

The background of the cover features a man and a woman standing side-by-side. Both have large, vibrant orange and yellow phoenix wings. The man on the left has dark, wavy hair and is wearing a dark jacket over a light-colored button-down shirt. The woman on the right has long, flowing blonde hair and is wearing a black leather jacket over a white top. The overall color palette is dominated by the fiery tones of the wings and a dark purple background.

АЛЕКС ГЛАД

СЕМИМИРЬЕ

ПОЯВЛЕНИЕ

ЛЕГЕНДА

Семимирье

Алекс Глад

Семимирье - 2. Появление Легенд

«Автор»

2026

Глад А.

Семимирье - 2. Появление Легенд / А. Глад — «Автор»,
2026 — (Семимирье)

Полгода назад я узнал, что окружающий мир не таков каким казался. Большая часть родных - не родные, а те кто давно почил - живы, существуют иные миры, магия... Теперь можно идти к цели, о которой прежде мечтать не смел, зная что невозможное - возможно. Ведь рядом друзья, те, кого прежде посчитал бы простыми людьми оказались кем угодно, только не ими... Маги, драконы, фениксы... Вместе мы преодолеем всё, мы не имеем права сдаваться, ведь есть люди судьбы которых теперь зависят от нас.

© Глад А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	18
Глава 4	23
Глава 5	28
Глава 6	36
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Алекс Глад

Семимирье - 2. Появление Легенд

Глава 1

– Ты феникс?! – вылупился я на девушку.

В воздухе еще стояла колючая пыль магического пепла, горьковатого на вкус.

– Видимо, да, – на удивление спокойно пожала плечами она. Пальцы её чуть дрожали – мелкая, частая дрожь выброса адреналина. – А ты под моей защитой... Женишок, – добавила она, и в голосе, сквозь усталость, пробила тень озорства.

Ещё бы! Выжила. Спасла. Имела право.

Мгновение назад на меня было совершено покушение. Чудом остался не просто живым – невредимым. Кожа на лице и руках горела, будто от близкого жара костра, но ожогов не было. Только легкое покраснение, уже сходящее. И всё благодаря девчонке напротив, в нелепом латексном костюме, который теперь покрылся тонким слоем серой магической сажи.

Вмиг стало плевать, куда снова испарилась Машка, растворившись в морозном воздухе. И что этой змее было нужно. Судьба её накажет, если что. Главное – другое. Предстоящая экспедиция обретает вполне реальные перспективы. У нас будет Феникс!

Родни с ума сойдёт, когда узнает... Его ум – как шахматная доска. Появление ферзя на поле меняет всю игру. Феникс – это не просто сильная фигура. Это возможность рискованных ходов, которые раньше мы не могли позволить себе даже в теории. Это щит, который нельзя пробить. Или приманка, которую можно бросить в самое пекло, зная, что она вернется. Цинично? Да. Но стратегически бесценно.

Но это потом. Всё потом.

Долбал я такие стрессы. Одно дело – самому нарываться. Другое – когда тебя, как дурака, подставляют под удар. Чтоб их... Провидица, мать её... Бабуля. А если бы дар не проснулся?! Даровал бог родственничков! Викентьевна знала. Обязана была знать. Значит, сознательно послала Иру под удар, проверяя, выстрелит ли легенда. Или создавая её.

Всё. На сегодня с меня хватит. Заселю Иру в общагу – и спать. Пусть весь мир подождёт. Иначе мозгами двинусь. Мышцы спины и плеч ныли тупой, однообразной болью, словно меня отдубасили резиновой дубинкой – следствие мышечного спазма в момент прыжка.

– Прости, конечно... – пробормотал я, потирая занывшую переносицу. Боль запоздалая, будто тело только сейчас осознало, что хозяин мог в нос получить. – Но это... Давай тебя сейчас заселим, а мне – перерыв. На сегодня, – голос звучал хрипло, выжато.

– Давай, – кивнула девушка. Её глаза, теперь, когда адреналин отступал, выглядели слишком яркими на запачканном лице. – Тоже хочется с мыслями собраться, знаешь ли... Надо понять, что со мной теперь делать. С этим, – она неопределенно махнула рукой, указывая на себя, на весь мир вокруг.

– Понимаю, – буркнул я, поднимаясь с земли.

Колени слегка подкашивались. Я оперся на ствол ближайшей сосны, кора шершавая и холодная под пальцами. Отряхнулся. Снег осыпался тяжелыми хлопьями.

Направляясь к выходу из парка, краем глаза заметил, как Ира на ходу провела ладонью по стволу старого дуба. Нежно, почти с благодарностью. Как будто проверяла, реально ли всё это. Её рука задержалась на замшелой коре, впитывая, запоминая текстуру. Потом она взглянула на кончики своих пальцев, будто ожидая увидеть там что-то новое. Так делают те, кто проснулся после долгого сна.

– А эта... свалила? Или может назад явиться? – спросила она, догоняя.

В её голосе не было страха, только холодная констатация факта и желание оценить угрозу.
– Не поминай лихо, – отмахнулся я, невольно вздрагивая.

В ушах отдалось эхо того хрустального, ядовитого смеха. Он словно застрял в слуховых проходах.

– Она появится, когда захочет. Или когда понадобится я. Но сейчас, после такого фейерверка... Вряд ли. Академия, хоть и выглядит спящей, уже подняла тревогу. Придут. Будут вопросы.

– И всё же... кто она? – Ира настойчиво шла рядом, её шаги по снегу были легкими, неслышными. Не как у горожанки. Как у спортсменки или... человека, привыкшего перемещаться незаметно.

Вот же настойчивая. С другой стороны – имеет право. Если бы не её прыжок, я бы уже не топал по академии. Вообще не понятно. Вроде как адептам запрещены стычки с применением магии вне арен с защитным контуром. И вот так, посреди парка – нападение, пробуждение легендарного дара, и ни одной живой души из педагогов на горизонте. Или они смотрят и записывают? Мысль была неприятной, липкой.

– Можно сказать, бывшая, – невесело отозвался я.

Слово «бывшая» застряло в горле комом. Оно не отражало и десятой доли той грязной, неприятной истории.

– Была. Лет шесть назад. В другой жизни.

– Постой... А как же деревня, чердак, книга, амулет... Ты же говорил, что попал сюда полгода назад? А тут уже бывшая шестилетней давности... Ты, конечно, говорил, что хрономагия – это скачки во времени, но чтобы прямо вот так? – её вопросы сыпались, как град, выстраиваясь в логическую цепь с тревожащими пробелами.

– Так и есть. Приехал в деревню. Спустя месяц застал в своём доме подругу детства, – вздохнул я.

Воздух был холодным и чистым. Рассказ пошёл сам собой, подгоняемый странным ощущением: эта девушка, эта Ира, была чужая, но уже стала частью новой реальности. Ей можно было сказать то, что нельзя было говорить другим. Что-то пробило на откровение.

Я выложил даже то, чего Джастин не рассказывал. Не про тайну её и Ренди рождения, конечно, и про своё родство с Викентьевной умолчал. Но рассказал про ощущения.

Про запах пыли на чердаке, смешанный с ароматом старого дерева и воска. Про холод металла амулета в руке. Про теплоту Машкиных губ в тот миг, который казался счастьем, а оказался ловушкой. Будто заново всё переживал, и с каждым словом холод внутри сжимался плотнее.

И волноваться начал. Не только за прошлое. У меня – утеплённая одежда, под которой уже выступал липкий пот от напряжения. А она в этом латексном костюме, облегающем, как вторая кожа... Мерзнет? На щеках играл румянец, но губы бледноваты. Или у фениксов кровь горячая, и простуды не страшны? Дышала она ровно, пар изо рта вырывался густыми клубами.

– Писец... – выдохнула девушка в конце моего рассказа.

Слово прозвучало не как ругательство, а как диагноз. Итог. Приговор.

– Вот и я так думал. Дословно, – усмехнулся я, подхватывая на руки зачермышку. Он пришел сам, терся о ногу, требуя внимания. Теплый, живой вес в руках был моим якорем. – Частенько именно так именовал ситуацию. Мироздание шуток не понимает. Свыше решили: раз часто повторяю «писец» и раз я здесь, значит, имею право на фамильяра. Северную лисичку. Не сразу, но в моей жизни появился Бельчонок. Как-то так... Хотя, – я покосился на её квокку, уютно устроившуюся в латексном капюшоне, – твой вариант, конечно, покруче будет.

– Думаешь, это она, в смысле – бывшая, тебя закинула? Не книга? Может, артефакты, книга с амулетом в резонанс вошли? И дед у тебя выходит непростым был. Может, это он

что намутил при жизни? Сработал некий механизм, и... упс. Здравствуй, новый мир, – она говорила быстро, строя логические цепочки. Не паника, а анализ. Попытка ухватиться за причинно-следственные связи в мире, где они, эти связи, рушились.

– Ага, в резонанс так вошли, что даже Машке мозг затуманили, заставив поцеловать парня, которого она пять лет не видела, – я хмыкнул, но в голосе не было веселья. – Полгода здесь – достаточный срок, чтобы понять главное. Моя магия здесь – ценность сама по себе. Для усиления обрядов. Машке я нужен для чего-то подобного. И, похоже, посмертно, – посмотрел я прямо на нее, давая время словам осознаться. – Последний, предсмертный всплеск мага даёт чудовищную энергию. Чистую, не замутнённую волей. Идеальное топливо.

– В смысле – посмертно? – вылупила глазища собеседница. Её рука непроизвольно потянулась к горлу, коснулась кожи над ключицей. Защитный жест. – То есть... она хотела тебя... убить? Для подзарядки какого-нибудь артефакта?

– Финальный всплеск магической энергии в момент смерти – самый мощный заряд, – пояснил я, чувствуя, как щека дёрнулась сама собой, нервный тик. – Да. Скорее всего, так. У меня были... веские основания так считать. Основания, которые теперь валяются где-то в её карманах или уже проданы.

– При этом ты упорно считаешь, что попал сюда, минуя правила. Дар не пробудился, срок прошёл, ты был жив... Дед не прост. Сроки исчезновения прошлого хрона совпадают с его смертью. Дар наследственный, передаётся по мужской линии через поколение. Откуда-то ведь взялась эта параноя с прятками, лжечердаками, амулетом, книгой... – она говорила, глядя куда-то внутрь себя, складывая пазл. – Где гарантия, что ты не погиб там? В тот момент, когда взял в руки амулет? Или в документы внесена не та дата? Ты мог быть мертв. А очнулся уже здесь. Как многие с Земли.

Её вывод, холодный и логичный, повис в морозном воздухе. От него стало еще холоднее.

– Тебе не ветеринаром, а аналитиком надо быть. Всё по полочкам раскидала, – сказал я, и в голосе прозвучало невольное уважение.

Она не впадала в истерику. Она работала с данными. В этом мире это дорогого стоило.

Девушка усмехнулась, но в глазах не было веселья.

Шли молча по заснеженной аллее. Под ногами хрустел утоптаный снег, с ветвей вековых елей иногда срывалась тяжелая шапка, падая с глухим шумом.

Каждый думал о своём. У Иры сейчас, наверное, голова шла кругом. Я когда-то уже побывал на её месте, и не сразу смог осознать, что это всерьёз. А у неё всё в один день: новый мир, магия, фамильяр, попытка убийства и спасение незнакомца... И чёрт побери, реально крутой фамильяр. Который сейчас деловито умывался, сидя у неё на плече.

«Я уже не крут?!» – раздался обиженный голосок в голове.

Мыслеформа была окрашена явной ревностью.

«Крут, конечно!» – утешил я, почесав за ухом теплый мех. – «Но согласись, вот так сразу огрести легендарные способности и легендарного фамильяра... Это как выиграть джек-пот, не купив билет».

«Заметь, его я притащил», – напомнил зачермышка, и в его «голосе» слышалось самоудовольствие. – «Чувствовал потенциал. Разбудил. Так что джек-пот – моя заслуга».

«И трижды молодец!» – мысленно похвалил я его.

– Кстати, а как ты сразу понял, что Мила не простой зверёк, а фамильяр? – поинтересовалась Ира, прерывая молчание.

Она смотрела на свою квокку с нежностью, смешанной с недоумением.

– В природе квокка – звено пищевой цепочки для псовых. Лисьего семейства. Песец как раз из них, – объяснил я. – Если он не смотрит на эту умиляху как на провизию, не облизывается и не пытается прикинуть, как она на вкус... то перед тобой либо очень сытый песец, либо

не просто зверёк. А Белка был голоден. И проявил сдержанность. Значит, интеллект. Значит, фамильяр.

Ира взглянула на Белку, который важно уселся, завернув хвост вокруг лап. Она протянула руку и погладила его по голове, прошептав:

– Спасибо, что не скушал мою девочку...

Надо было видеть взгляд, который на нее бросил песец. В этих невинных, бирюзовых, как у меня, глазах крупным шрифтом читалось: «Я НЕ ТАКОЙ! Я ЦИВИЛИЗОВАННЫЙ!». Судя по вспыхнувшему на щеках Иры румянцу и смущенному хихиканью, она это прочла и поняла.

Мы подошли к административному корпусу. Массивные дубовые двери с резными символами, тяжелые, как ворота крепости. Административное здание, похоже, впечатлило Ирину. Спору нет – есть на что взглянуть. Высокие потолки, потерявшиеся в полутьме, длинные коридоры, выложенные темным полированным камнем, в котором тускло отражались магические светильники. И тишина. Глухая, давящая тишина учреждения, где решают судьбы.

На стенах – портреты магов прошлого в золочёных рамах. Они смотрели на нас сверху вниз, их лица были выписаны с холодным, безличным достоинством. Герои. Основатели. Убийцы. В зависимости от того, с какой стороны читать историю.

– А куда отправляются души после смерти? – неожиданно спросила Ира.

Её голос, обычный по тону, гулко отдался в каменном коридоре, нарушив мертвенную тишину.

Вопрос повис между нами, нелепый и пугающий своей внезапностью. Не праздный. Глаза у неё были серьёзные, почти строгие. Она смотрела не на меня, а куда-то сквозь стены, будто пыталась разглядеть ответ в самой структуре этого мира.

– Ты из тех, кто боится попасть в ад? – удивился я, сбитый с толку.

– Я из тех, кто хочет знать, как это происходит здесь. Влияют ли ушедшие маги на судьбы мира? Остаётся ли что-то? Или просто... свет гаснет? – она повернула ко мне лицо. – Ты же умер. По её теории. Или почти умер. Что ты видел?

Меня будто окатили ледяной водой. Я замер. Задумался. Искал не ответ для галочки, а пытался понять то, что чувствовал сам. Воспоминания о моменте перехода были смазанными, как плохой сон. Не свет в конце тоннеля. Не голоса предков. Другое.

– Вот это ты загнула... – я медленно начал, подбирая слова. – Физически, как дух или призрак – вряд ли. Сильные маги, говорят, могут оставить... эхо. В местах силы. В артефактах. Воспоминаниях. Но это не душа. Это след. Как фотография, – я сделал паузу, глядя на золотую раму ближайшего портрета. – А в плане наследства – тотемов, амулетов, кристаллов, сфер знаний – да. Это материальные следы. Когда такие вещи выскакивают из небытия, бесследно это не проходит. Люди из-за них убивают. Миры – рушатся. Амулет деда был таким наследием. Я его нашёл, засунул в коробку со своими мальчиковыми секретиками, и он пять лет там валялся. Мёртвый груз. А когда я созрел, чтобы им воспользоваться... когда она...

Воздух в коридоре вдруг стал густым. Не метафорически. Физически тягучим, как тёплый мёд. Дышать стало трудно, каждый вдох требовал усилия. Золотые рамы на стенах поплыли. Краски на портретах растеклись, смешались в грязные, безобразные пятна. Из этих пятен на меня смотрели другие лица. Узнаваемые и ненавидимые. Машка – с хищной ухмылкой. Викентьевна – с ледяным, всевидящим взглядом. Дед – но не тот, добрый, а другой, чьё лицо я видел лишь на пожелтевшей фотографии, – строгий и безжалостный.

В ушах врезался визг – высокий, тонкий, режущий, точь-в-точь как тот самый, хрустальный смех Машки из парка. Он заполнил всё, вытеснив все другие звуки. Под ложечкой схватило резким, болезненным спазмом. Тошнота подкатила комком, горьким и жирным, подступив к самому горлу. Во рту стало невыносимо сухо.

Я не дышал. Сердце колотилось где-то в основании горла, дикой, аритмичной дробью. По спине, от копчика до шеи, расплзся ледяной пот. Он струился под одеждой, холодный и

липкий. Кулаки сжались так, что ногти впились в ладони, оставляя полумесяцы боли. Но эта боль была далекой, чужой.

– Майкл, – голос. Далёкий. Глухой. Сквозь толщу воды и этого невыносимого звона. – Это позади. Мы обязательно узнаем, что это был за амулет. И если получится – вернём... Это не конец.

Руки. Чьи-то тёплые, живые, шершавые от холода руки вцепились в мои ледяные пальцы. Сжали с такой силой, что кости хрустнули. Больно. Остро, пронзительно больно. Якорь. Эта боль была из здесь и сейчас. Она пробилась сквозь кошмар.

Я застонал. Или просто выдохнул со стоном. Моргнул раз, другой. Слезы выступили на глазах от усилия.

Коридор встал на место. Краски вернулись в портреты, сделав лица снова безличными и далёкими. Звон в ушах сменился гулкой тишиной и собственным тяжёлым дыханием.

Ира стояла передо мной. Она держала мои ладони в своих. Лицо её было бледным, как снег за окном, но взгляд – невероятно твёрдым. Не было в нём ни паники, ни жалости. Была решимость. И – что-то ещё, что я не сразу опознал. Вера? Не в меня, а в то, что эту хреновину можно пережить. Можно взять под контроль. Смелая. Второй раз за день вытаскивала. И не словами. Жестом. Болью. Контактom.

– Спасибо... – прохрипел я. Голос был чужим, разбитым, будто я только что пробежал марафон. – Тебе – сюда. Удачи. Я подожду внизу. Потом – в общежитие. Провожу.

Вот это меня накрыло... Денёк, однако. Психика, похоже, тоже имеет свой лимит на чудеса. И сегодня он был исчерпан.

– Хорошо. Надеюсь, меня не будут долго мучить, – она попыталась улыбнуться. Улыбка вышла кривой, натянутой, но искренней. Она отпустила мои руки. На моих ладонях остались красные следы от её пальцев.

– Быстро – вряд ли, – я ответил тем же, ощущая, как дрожь в коленях понемногу отступает, сменяясь ватной слабостью. – Бюрократия она и здесь бюрократия. Но ты справишься.

Она кивнула, глубоко вдохнула и толкнула тяжёлую дверь. За ней был свет, тепло и запах официальнойщины. Дверь закрылась с мягким, но окончательным щелчком.

Я остался один в полутемном коридоре. Постоял, опершись плечом о холодную каменную стену. Дышал, заставляя лёгкие работать ровно. Потом развернулся и пошёл к выходу.

На улице в лицо ударил колючий, свежий холод, после спёртого воздуха коридора он показался бальзамом. Снег, мелкий и сухой, похрустывал под подошвами. Я отпустил Белку. Тот, фыркнув, юркнул в ближайший сугроб, оставляя цепочку аккуратных следов и весело разбрасывая снег мордой. Я стряхнул снег с деревянной лавочки у стены, сел. Холод через ткань брюк моментально добрался до кожи, трезвый и бодрящий.

Сидел. Дышал. Пар вырывался изо рта густыми, быстро тающими клубами. В голове, наконец, прояснилось, улеглась паника, отступили наваждения. Осталась ясная, холодная мысль. План. Он выстроился сам, как по линейке:

1. Родни. Узнает о фениксе немедленно. Не для бахвальства. Для тактики. Его финансовые и политические рычаги теперь должны работать с учётом нового актива.

2. Деньги. Земля. Лёха. Без этого – никуда. Надеюсь, он не прогорит. Хотелось бы ещё успеть забрать его. Вернуть долг.

3. Не сломаться до пунктов 1 и 2. Держать себя в руках. Сегодняшний срыв – предупреждение. Нервы не железные. Надо будет поговорить с Джастин насчёт успокоительного. Сильного, но без отупляющего эффекта.

В сугробе возился Белка, радостно и бессмысленно. Мир не рухнул. Он просто стал ещё на один порядок сложнее, ещё опаснее. И в нём теперь был феникс. Не абстрактная легенда, а девушка со смешливыми глазами и цепким умом, которой сейчас там, за дверью, задают дурацкие вопросы.

Это меняло всё. Не делало легче. Но давало точку опоры. Призрачный, но шанс.

Снег тихо хрустел под лапами Белки. Я сидел, смотрел на пар, уходящий в холодное, усыпанное искрами-звёздами небо Картэна, и просто дышал. Одна простая, ясная мысль пробилась сквозь усталость и остаточную дрожь в руках: движение есть. Не остановка. Вперёд. Даже если следующий шаг – назад, на Землю. Потому что без этого шага – прыгнуть вперёд, на Верайн, будет невозможно.

Завтра. Начнётся завтра.

Глава 2

– Белка, ты тут? – мысленно поинтересовался я, шагая по заснеженной аллее. В ушах всё ещё стоял призрачный звон после утренних событий.

– Тут... – отозвался тот же мысленный, но совершенно чужой голосок где-то в глубине черепа. – И наблюдаю. Твои шаблоны мышления сегодня особенно хаотичны.

– Существуют способы определения магических способностей и их... – начал я мысленно и тут же замолк. Самому себе задавал глупый вопрос. Не мне спрашивать о том, как пробудить дремлющий дар. Экстрим в помощь. Ренди, я, Ира – тому живые, а иногда и не очень, примеры. Вот только как решиться рискнуть жизнью друга? Леха... Он и так через многое прошёл. Инвалидность, смерть родителей, борьба за выживание в одиночку. Тащить его в эту мясорубку?

– Зачем рисковать? – голос зачермышки прозвучал не как вопрос, а как констатация абсурда. – Кто ты такой, чтобы принимать подобные решения? За Настю мог решиться. За него – нет... Интересная избирательность.

– А что предлагаешь? – мысленно огрызнулся я. – Оставить его там гнить?

– Проверим, – ответил Белка, и в его «голосе» послышались нотки холодного, древнего любопытства. – Если предрасположенность есть, я покажу ему миры. Расскажу о методиках пробуждения. Дальше – только его решение. Ему, в любом случае, ничего не грозит...

– В смысле – не грозит? – мысленно опешил я, на секунду споткнувшись о невидимый бугорок под снегом.

– Если у него есть непроявленные способности и он умрёт в процессе... эксперимента, – слово было произнесено с лёгким, леденящим уважением, – то он просто возродится здесь. В одной из академий Семимирья. Это системный процесс. Главное – чтобы он об этом не догадывался. Иначе не будет главного катализатора – чистого, животного страха смерти. А без него... искра может и не проскочить.

Хм... А ведь и вправду логично. Чудовищно, но логично. Оставалось только не ошибиться с определением самой предрасположенности. И второй вопрос – когда всё это успеть?

В ближайшие пару недель мне отсюда не вырваться. Надо принимать участие в адаптации тех самых, напрогноченных Викентьевной девиц. Две новые попаданки с Земли. Кто они? Что за тип? Смогут ли вписаться? Вопросов больше, чем ответов.

Чем быстрее всех соберём под одной крышей, тем скорее станет ясно, как мы будем взаимодействовать. Какие навыки в приоритете развивать, кто на что способен. Опять же – познакомиться. Найти общий язык, а не просто обменяться именами. На это тоже требуется время, которого постоянно не хватает.

Викентьевна, как всегда, была точно в слабое место. Я не авантюрист по натуре. Не искатель приключений. Тогда, на Ульбранте, в ту роковую вылазку, я ввязался только ради одного шанса из миллиона – разбудить в себе хоть что-то. И то, как всё в итоге обернулось, навсегда отбило охоту лезть в подобные авантюры сломя голову. Генри... Его лицо в последний миг до сих пор иногда встаёт перед глазами в полной темноте. Мне было искренне не понять Родни, Танари и Эмми – что их, чёрт возьми, тянуло в мёртвые миры? Зачем добровольно соваться туда, где каждый камень может убить, а воздух отравлен?

Теперь же выходило, что я буду в числе первых, кто полезет в самые дебри, выискивая информацию, артефакты и всё, что может повысить наши шансы не сгинуть там насовсем. Ирония судьбы. Или закономерность.

Мысленно я набросал список. Планируемый состав для серьёзной вылазки: Родни (организатор, финансист, менталист), я (хрономаг, пока неясно в каком состоянии), Танари и Эмми (опыт, специфические навыки). Не помешали бы Лекс (универсал, аналитик), Ирина (феникс

– живой щит и таран), Джастин (лекарь, тактик, «клей» команды). Из прогнозируемых новых лиц: неведомый друг с Земли (Леха, если подтвердится), некий друг Родни с Рестанга (о котором он как-то обмолвился), и те самые две новенькие попаданки. Итого – десять человек. Целая экспедиция.

Для Лекса надо было умудриться найти уникального фамильяра. Но, как я уже понял, даже это не гарантировало его полного освобождения от долгов перед академией. Надо было копать глубже, узнать больше о самом духе-хранителе академии. У всех есть слабые места, болевые точки. Духи, даже древние и могущественные, наверняка не были исключением.

Тихий шорох за спиной, едва уловимый в зимней тишине, заставил меня невольно вздрогнуть и обернуться. Нервы, что ли, сдают. Совсем обкурённым стал.

Ирина. Она стояла в паре метров, улыбаясь своей новой, немного дурашливой улыбкой, которую, похоже, только что придумала.

– Ты и вправду шустро управилась, – удивлённо констатировал я, смахнув с ресниц налипшую снежинку.

– В канцелярии побывала, – отчиталась она, игриво приставляя ладонь к виску, как будто отдавала честь невидимому начальству. – Дали бумажку. Сказали – в библиотеку и хозчасть. Там что-то выдадут и... распределят в башню. Почему-то именно в башню.

Хм... Любопытно. Ту самую одинокую каменную иглу, что торчала за корпусами общежития, я, конечно, видел. Считал её больше декорацией, элементом антуража. Не думал, что она жилая. Максимум – пристанище сумасшедшего мага-затворника или, в крайнем случае, дракона... Ага! Или феникса! Всё вставало на свои места.

– Ты забыла, кто ты? – напомнил я, понизив голос. Морозный воздух резал горло. – А если в период адаптации возможны спонтанные возгорания? Неконтролируемые выбросы? Не лучшая идея селить тебя в общем корпусе, где стены из дерева и полотняные обои.

– Хм... – её улыбка померкла. – Только это... Майкл, мне там настойчиво велели скрывать... Кто я.

– Как скажешь, – пожал я плечами, но внутренне напрягся. Секретность – это одно. Но скрывать такую сущность в академии, где каждый второй смотрит на тебя как на ресурс... – Идём! – произнёс я вслух, более бодро, чем чувствовал, и выхватил у неё из рук грубый холщовый мешок, выданный в канцелярии. – Раз уж я тут проводник, то и ношу потаскаю.

Согласиться с решением о неразглашении я, конечно, не мог. Надо будет рассказать ей об экспедиции. О мирах в целом я уже нахвастал за время прогулки. Но теперь требовался другой подход. Нужно было, чтобы у неё появилось собственное, осознанное желание участвовать. А для этого её следовало узнать поближе. Выяснить, чего она боится на самом деле, что любит, о чём мечтала на Земле и чего хочет здесь.

Ещё недавно, стоя в парке, я отчаянно мечтал оказаться в своей комнате, завалиться на койку и вырубиться. Сейчас же, глядя на эту девчонку с её озорным, но умным взглядом и ворохом новых впечатлений, понимал – скучно не будет. За ней нужен был глаз да глаз, это да. Но если честно... Мне и самому стало дико интересно. Как там, внутри этой башни? И что будет дальше?

Посещение хозчасти прошло без эксцессов. Стандартный набор для новичка: постельное бельё грубого полотна, полотенца, простая посуда из толстой керамики, мыло, паста, щётка. Всё качественное, без изысков, рассчитанное на годы. Девушка, принимавшая вещи, лишь кивнула, сверив имя со списком, и не задавала лишних вопросов.

А вот дальше началась загадка. Башня, серая и неприступная, просматривалась из-за угла общежития, буквально в двух десятках метров. Но от расчищенной аллеи к ней не вело ни единой тропинки – ни аккуратной, ни занесённой снегом. Не было видно даже намёка на дверь или крыльцо. Сплошная каменная кладка, местами поросшая цепким зимним плющом.

Мы, конечно, не сдались. Обошли здание общежития вокруг, натоптав глубоких, некрасивых следов в девственно чистом, пушистом снегу. Спины быстро покрылись испариной от усилия, а башня, как мираж, оставалась такой же недосягаемой. Дверей не обнаружили. Вышло, что попасть туда можно либо через портал, либо по подземному ходу. Или... другим, магическим способом.

В полной растерянности мы заглянули обратно в общежитие. В холле первого этажа, за столом, уставленным бумагами и печатями, сидела та самая рыжеволосая женщина, которую я мельком видел раньше. Комендантша.

– А вам она зачем? – подозрительно уставилась на нас женщина лет пятидесяти. Взгляд у неё был острый, хозяйский, выявляющий любое нарушение устава с первого взгляда.

– Вот... – Ира, немного смутившись, протянула ей сложенный листок с печатью.

Женщина, не спеша, надела на нос очки в тонкой металлической оправе, изучила документ. Потом подняла голову и окинула нас оценивающим взглядом – сначала Иру, потом, надолго задержавшись, меня. В её взгляде не было враждебности, но была настороженность и полное отсутствие желания лезть в чужую тайну.

– Меня зовут Антонина Степановна, – наконец произнесла она, снимая очки. Голос был низким, с характерной хрипотцой, будто от долгого говорения на морозе или в пыльном помещении. – Я комендант женского общежития. Проходить будете через меня. Все вопросы – ко мне. Понятно?

Мы кивнули в унисон, как провинившиеся школьники.

– Идёмте, – она тяжело поднялась из-за стола и двинулась к лестнице, не оглядываясь. – И вы, молодой человек, – кивнула она мне, – раз уж взялись опекать, то и слушайте. Лишним не будет.

На втором этаже, в длинном, слабо освещённом коридоре с одинаковыми дубовыми дверями, она остановилась.

– Догадываетесь, что не надо афишировать, где живёте? – спросила она, сверля Иру взглядом.

– Да, – тут же ответила та.

– Догадываемся, – хором добавил я.

– Ну и славно, – фыркнула Антонина Степановна. – А то некоторые новенькие думают, что попали в курорт. – Она махнула рукой вдоль коридора. – Выбирай, где жить будешь. Свободно пока всё. Парням сюда не положено ходить... – она бросила на меня взгляд, в котором читалось скорее усталое сожаление, чем злоба.

– Я помогаю освоиться своей невесте на новом месте, – быстро отмазался я, чувствуя, как по щекам разливается глупый румянец. Наглость, конечно, несусветная, но лучшего оправдания в голову не пришло. И, наклонившись к Ире, прошептал: – Пусть Мила выберет. У них нюх на хорошие места.

Девушка, скрывая улыбку, послушно опустила квокку на полированный деревянный пол.

– Выбирай, подруга, где жить будем, – тихо сказала она.

Маленькое сумчатое существо поводило носом, наострив круглые ушки. Она обошла несколько дверей, обнюхивая щели под ними и плинтусы. Потом вернулась, встала на задние лапки у одной из дверей в середине коридора и тихо, почти неслышно, пискнула.

– Тут, – перевела Ира.

Комендантша, наблюдавшая за этой сценой с каменным лицом, лишь бровью повела. Потом достала из кармана связку старинных ключей сложной формы, нашла нужный и с лёгким щелчком открыла тяжёлую дверь.

Дальше пошла стандартная для иномирян, но волшебная для землян адаптация. Антонина Степановна, не повышая голоса, объяснила, как открывать и закрывать дверь (приложить ладонь к металлической пластине и мысленно захотеть), как включать свет (те же манипуля-

ции с другим кристаллом у входа), как пользоваться санузлом (отдельная маленькая комната с непонятым, но работающим подобием канализации). Вода текла из ниоткуда в каменную раковину – чистая, холодная и без запаха.

Беглый осмотр помещения показал, что оно явно предназначалось для двоих. На свою комнату в общежитии для новичков я не жаловался, но это было небо и земля. Пространство было просторным, даже пустым, и монументальным. Высокие потолки, стрельчатое окно с толстым, почти неискажающим стеклом. Всё, что можно, было изготовлено из камня – тёмного, отполированного до матового блеска – или из невероятно прочного на вид тёмного дерева с серебристыми прожилками. Две кровати с тонкими, но плотными матрасами, массивный стол, два стула, два шкафа-стеллажа, встроенных в стену. Ничего лишнего. Ничего уютного. Это была не комната – это была келья. Или казарма для особо ценных кадров.

Комендантша в общих чертах поведала о правах и обязанностях адептов, о распорядке, о столовой, о том, что причитается получить в хозчасти.

– Можно, мы вещи на обратном пути заберём? – осторожно спросила Ира. – Мне ещё в библиотеку успеть надо... До вечера.

– Идите, – неожиданно мягко улыбнулась Антонина Степаловна. Улыбка преобразила её строгое лицо, добавив ему усталой доброты. – Но не надейся, – она ткнула пальцем в мою грудь, – что пушу тебя на ночь! К отбою чтобы был у себя. Контрольный обход в десять. Попадешься – выпровожу под белы ручки, а тебе, – кивнула Ире, – выговор. Понятно?

– И в мыслях не было! – вмиг отреагировал я, шутки шутками, а разговоры о моём якобы разгульном образе жизни мне были ни к чему. Рано или поздно я очень надеялся, что Настя окажется тут, со мной. И мы бы... – А, кстати, – спохватился я, – у нас здесь есть семейное общежитие? Для пар?

Каким взглядом наградила меня Ира! В её глазах смешались ужас, неловкость и желание провалиться сквозь каменный пол. Кажется, я переборщил с шуточками про невесту. Решив не нагнетать обстановку, я ретировался в коридор, делая вид, что внимательно изучаю фактуру каменной кладки.

Она нагнала меня уже внизу, в холле. Настроение у неё, судя по лёгкой походке и блеску в глазах, было отличным. Ну и ладно. Делая вид, что ничего не произошло, я продолжил прерванный инструктаж на местности. Показал ей ту самую дверь в дальнем крыле, за которой располагался магический аналог магазина – комната самообслуживания, где за стипендиальные баллы можно было взять еду, простую одежду, канцелярию. Рассказал про саму стипендию, про редкие возможности подработать в академии – помочь в оранжерее, проверить защитные контуры, переписать какие-нибудь древние свитки.

Так мы и шли, играя в вопрос-ответ. Она спрашивала – о магии, о преподавателях, о том, как тут принято общаться. Я отвечал – честно, где знал, и с юмором, где не был уверен.

– А вот и святая святых! – наконец объявил я, останавливаясь перед высокими дубовыми дверями с инкрустированными серебром символами. – Храм знаний. Библиотека.

Мы вошли. Тишина здесь была особой – не глухой, а насыщенной, густой, как будто сами стены впитывали звук, не позволяя ему нарушить покой. Воздух пах старым пергаментом, сухими травами и лёгкой, едва уловимой пылью магии. Свет лился откуда-то сверху, рассеянный и тёплый.

– Библиотекарь – дух, – тихо, почти шёпотом объяснил я. – Любит, когда к нему мысленно обращаются. Вот нюанс: можешь запросить все необходимые книги, плюс всё на интересующие темы, что доступно на вынос. Потом положишь ладонь на стопку, представишь, где они должны оказаться в твоей комнате... и они перенесутся. Испытано лично.

– Круто... – прошептала девушка, но в её голосе читалось скорее настороженное недоверие, чем восторг.

Хотя чего ей, в сущности, сомневаться? И магия, и фамилляр уже в наличии. Это я несколько месяцев неприкаянно скитался, боясь, что попал сюда по ошибке или обману. А она приняла всё как данность. Быстро.

Прошло пару минут, и стало ясно – девчонка справилась. На длинном столе у стойки, за которой никого не было, начала материализовываться первая стопка книг в кожаных переплётках. Потом, рядом, вторая. Потом начала подрастать третья...

Я тем временем заказал одну из книг о Верайне, не подлежащих выносу. Мне принесли её на тот же стол. Я стоял, медленно перелистывая страницы с выцветшими чертежами древних станций, краем глаза замечая, как горы книг для Иры перестали расти, а сама она, сконцентрировавшись, примеряется положить ладонь на ближайшую стопку.

И среди её книг я узнал родную сестру той, что держал в руках. И ещё пару фолиантов из тех, что сам планировал изучить здесь, в тишине библиотеки. Видимо, девушку слишком впечатлили открывшиеся возможности, вот она и запросила всё подряд.

– Ты забыла сказать, чтобы давали только то, что можно выносить... – тихо напомнил я, откладывая свою книгу.

– Сказала... – так же тихо ответила она, не отрывая взгляда от стопки.

– Не может быть! – я с недоверием взглянул то на неё, то на книги. – В этой стопке как минимум три тома, которые мне не позволили взять с собой. Я точно уверен.

Девушка поманила меня пальцем, жестом попросив наклониться поближе.

– В башню разрешается брать все книги без исключения... – прошептала она прямо в ухо. Её дыхание было тёплым и смущённым. – Мне... так сказали. В виде исключения. Потому что я буду жить... особняком.

– Ты определённо нравишься мне всё больше! – громко, не сдерживаясь, известил я, и принялся с жадностью разглядывать выданные ей книги. Некоторые названия заставляли сердце биться чаще. – Пожалуй, какое-то время я действительно буду пропадать у тебя в башне... Можешь на лестницу выгнать, если мешать буду. Я не обижусь... буду сидеть на ступеньках и читать своё.

– Ты сначала с Антониной Степановной договорись, чтобы она тебя пускала... – усмехнулась Ирина, но в глазах у неё играли весёлые искорки.

– Не поверишь, договорюсь... – пообещал я. – Может, даже в башню переселят... Как верного пса при фениксе.

Первая стопка под её ладонью начала таять на глазах, как будто книги растворялись в воздухе. За ней последовали вторая, третья... Через несколько секунд на столе не осталось ничего, кроме моей одинокой книги и тонкого слоя магической пыли.

– Супер! – не сдержала эмоций девушка, хлопая в ладоши. Звук был громким и резким в библиотечной тишине, и она тут же смущённо прикрыла рот ладонью.

– Ага... – откликнулся я, подбирая свою книгу. – Но теперь провожу тебя, и точно – спать. Вымотался как собака.

– Я сама... – начала она, но я перебил.

– Ты слишком ценна, чтобы тобой рисковать! – сказал я уже серьёзно, без шуток. – В прямом и переносном смысле.

– Что мне могут сделать? – невесело усмехнулась она, но в её голосе прозвучала трещинка неуверенности.

Что? В памяти всплыла книга, прочитанная ещё на Земле, в другую жизнь. «Игра вместо войны». Фантастика, развлечение. Главный герой там был фениксом. Правда, он каждый раз проходил через мучительное оукливание в собственном пепле, не мог выбраться сам. А его пепел... был ценнейшим алхимическим ингредиентом. В итоге его отловили и превратили в вечный источник сырья, вынуждая сгорать снова и снова. Ира, слава всем высшим силам, не оукливается. Но в остальном... боюсь, параллели могли быть слишком жуткими.

Я вспомнил и другие истории – фантастические, мифы, даже студенческие слухи о магических академиях в книгах. Многое оказалось правдой. Что-то различалось. Но слишком много совпадений в описании разных авторов из разных эпох настораживало. Случайно ли?

– Судя по тому, что я успел прочесть и услышать, Ир, риск есть, – наконец ответил я, не уточняя источников. – Серьезный.

– Какой? – она перестала улыбаться. В её глазах читалась уже не просто растерянность, а зарождающийся страх. Настоящий.

Пришлось вкратце, но без прикрас, пересказать то, что вспомнил. Про алхимическую ценность пепла феникса. Про то, как могущественные маги или целые организации могли охотиться на таких, как она, чтобы поставить дар на службу – вечную, мучительную и прибыльную. Про башни в академиях, которые в половине источников оказывались не привилегией, а золотой клеткой для особо ценных и опасных экземпляров.

– Не оптимистично... – пробормотала она, с опаской озираясь по сторонам, будто стены библиотеки уже смотрели на неё другими, жаждущими глазами. Она обхватила себя руками, хотя в зале было тепло.

– Забей! – сказал я, стараясь звучать увереннее, чем чувствовал. – Пока что держись рядом со мной, с Родни, с нашей... компанией. И всё будет в порядке. Мы друг друга прикроем. – Мои слова прозвучали наигранно-бодро, но иного выхода не было. Вселить панику сейчас – значило сломать её.

– В академии – допустим, – её голос стал тихим и хриловатым. Она смотрела не на меня, а куда-то в пространство между стеллажами. – А потом? Когда мы разойдёмся по своим делам? Когда я останусь одна с этой... способностью, о которой все будут мечтать?

Вот оно. Прорыв осознания. Не ребяческое любопытство, а взрослый, холодный ужас перед новой реальностью, где твоя сущность – одновременно дар и проклятие, сила и товар.

– Потом – будем думать, – ответил я честно, без бодрячества. – Искать защиту. Создавать её. Но для этого нам всем нужно стать сильнее. И стать командой. По-настоящему. Не случайными знакомыми в академии, а... семьёй, которая не предаст. Думаю, у нас есть шанс. – Я посмотрел на неё прямо. – Но для начала – давай заберём твои вещи и наконец-то ты отдохнёшь. Завтра будет новый день. И в нём будет чуть больше ясности. Обещаю.

В общежитии, у стойки Антонины Степановны, мы забрали причитающийся Ире груз. Часть вещей – одеяло, подушки – она так же, с сосредоточенным видом новичка, освоившего магический трюк, переправила прямо в комнату. В этот момент, наблюдая, как вещи исчезают у неё в руках, она на секунду забыла о страхах. На её лице расцвела чистая, детская радость от нового умения.

– Через три часа на выход! – как гром с ясного неба, прогремел за нашей спиной голос комендантши. Она стояла в дверях своего крошечного кабинетика, скрестив руки на груди. – Не позже. Контрольный обход. Попадёшься – в следующий раз даже до порога не пушу.

– Будет сделано! – шутиливо, но с полной отдачей, козырнул я ей в ответ, вспомнив, что в комнате Иры висели большие настенные часы с маятником. Надеюсь, они шли.

Возможно, ей и правда стоило остаться одной, переварить всё, что обрушилось за этот бесконечный день. Но у неё теперь имелось не менее семи книг из разряда «мне их не дали, а прочесть хочу!». А у меня, благодаря её привилегиям, был к ним доступ. Учитывая моё натренированное за полгода скорочтение и способность схватывать суть, освоить их можно было за пару дней. Идеальный предлог быть рядом, пока она не освоится и не перестанет оглядываться на каждый шорох.

– А что это за книги тебе перепали, из-за которых ты так всполошился в библиотеке? – поинтересовалась Ира, уже входя в свою новую, пахнущую камнем и тишиной комнату. Она свалила остатки пожитков на одну из кроватей.

– Про катастрофу на Верайне, – отозвался я, разглядывая корешки на полке, где уже аккуратно стояли её книги. – И про то, что было до неё.

– Это один из мёртвых миров, если я не ошибаюсь... – уточнила девушка, садясь на край кровати и снимая промокшие на снегу ботинки.

– Не ошибаешься, – подтвердил я, вытаскивая один из томов. Кожа переплёта была шершавой и холодной. – Его называют миром-тюрьмой. Или миром-самоедом. Там... всё сложно.

– Чем он тебя привлекает? Помимо экстрима и возможности пощекотать нервы, – в её голосе прозвучал слабый отголосок прежней иронии.

– Там много всего заплетено в один клубок, – сказал я, откладывая книгу и поворачиваясь к ней. – Аномальные зоны, которые могут быть полезны для таких, как я. Артефакты, оставшиеся от Древних. Знания. И... мои друзья туда рвутся. Мечтают найти островки стабильности, пригодные для жизни. Отвоевать у смерти хоть клочок пространства. Ну и... – я сделал паузу. – Я, как выяснилось, родом оттуда. Корни.

– Ты же говорил, что это мир-тюрьма, – она нахмурилась, собирая мысли. – Хотя... И про Землю говорил, что это колония. Блокиратор способностей.

– Так и есть, – кивнул я, прислонившись к холодному камню стены. – Полный набор. Родина-тюрьма. И планета-изгнание. Деталей я не знаю. Родного отца никогда в жизни не видел. Мать, как я понял, в юности там работала... Но каким-то чудом, или не чудом, оказалась на Земле. Как и мои дед с бабкой. Вся история – одно большое белое пятно с кровавыми краями.

– И ты хочешь увидеть мир, в котором должен был родиться? – спросила она тихо. Не осуждая. Просто пытаюсь понять.

– Хочу понять, – поправил я, глядя в полутьму за окном, где зажигались первые огни плярисов в академическом саду. – Не мир. Цену. За что моя семья заплатила изгнанием на мир-блокиратор. Что такого они нашли или совершили там, что теперь я... я чувствую этот долг здесь, – я ткнул себя кулаком в грудь, – как незаживающую занозу. Ребята звали за артефактами и славой. А мне... нужно найти ответ. Или хотя бы вопрос, на который стоит искать ответ. А ещё... – я обернулся к ней. – Мне нужны люди, которым я могу доверять. Не только чтобы прикрыть спину в бою. Чтобы было с кем этот ответ, если найду, обсудить. Или просто помолчать. Понимаешь?

Она смотрела на меня долго, серьёзно. Потом медленно кивнула.

– Понимаю. Примерно. – Она вздохнула и потянулась. – Ладно... Сегодня с меня, пожалуй, тоже хватит. Мозг уже отказывается складывать слова в предложения.

– Тогда отдыхай, – я подошёл к двери. – Я загляну завтра утром, проведу в столовую. И... спасибо. За сегодня. За парк.

– Взаимно, – она улыбнулась, и на этот раз улыбка была спокойной, усталой, но настоящей. – За то, что не бросил разбираться с бюрократией.

Я вышел, тихо прикрыв за собой тяжёлую дверь. В коридоре было пусто и тихо. Шаги гулко отдавались от каменных стен. Спускаясь по лестнице, я поймал себя на мысли, что усталость накрыла с головой, но внутри, под ней, было странное, непривычное чувство. Не уверенность. Но и не безнадёжность. Что-то вроде... направления. Тяжёлого, опасного, но направления.

Башня, феникс, экспедиция, Верайн, Леха, новые лица... Всё это было одним огромным, запутанным узлом. Но теперь, кажется, появилась первая ниточка, за которую можно было начать тянуть. И имя этой ниточки – не одиночество.

Завтра. Начнётся завтра.

Глава 3

Шок – это по-нашему. Впервые я честно озвучил свои мысли относительно мёртвых миров и их посещения. У Иры явный талант располагать к откровению.

– Что изменилось? – вполне искренне удивилась девушка.

Подмывало ответить – «ты». Но это было бы слишком. Нужно подводить тонко. Не говорить в лоб – мол, ты феникс, и потому... Чем бы её заинтересовать? Надо было создать интригу... Соблазнить... Мирами.

– Я не так давно побывал на Земле. Хотел навестить семью. Вернее, тех, кого считал родными... – сам не заметил, как пустился в подробности. Остановливаться было поздно. Я рассказал всё: про пустую квартиру, про пыль на полу, про ощущение, будто меня там стёрли ластиком. Про старую соседку, которая, кряхтя, сообщила, что мать ушла, как только я пропал. «В миры, сынок, в миры... С тем своим». Голос у неё был виноватый, будто она что-то знала, но боялась сказать. Вздохнув, продолжил: – Узнал, что родной была только мать. После моего исчезновения она ушла от мужа-тирана. Найти её на Земле не получилось. Следы вели в миры. Оказалось, она на Верайне с моим родным отцом. Как? Зачем? Не знаю. Известно только, что самостоятельно выбраться оттуда они не смогут...

– Ого... – только и смогла выдать Ира. Помолчала. И совершенно невпопад спросила: – Ты сказал, это опасно?

– Хорошо подготовиться – и шансы на выживание в процессе экспедиции вырастут, – хмыкнул я. – Давай об этом потом? Я эту книгу очень хотел дочитать, – кивнул я в сторону интересующего меня фолианта и пояснил: – Начал недавно в библиотека, и всё некогда было вернуться и закончить. Стой... А это что?!

На полке, между внушительными томами по истории магических династий, притаилась книга в тёмно-коричневом переплёте, края которого были обожжены, будто её вытащили из огня. «Особо ценные и редкие ингредиенты. Методы добычи». Я взял её в руки, демонстрируя Ире. Кожа обложки была шершавой и холодной, пахла дымом и чем-то горьким, вроде полыни.

– Хм... Я такого точно не заказывала, – задумчиво произнесла девушка, беря талмуд в руки. Она перевернула его, провела пальцем по тиснёному заголовку.

– Видимо, дух библиотеки решил, что содержащаяся здесь информация для тебя чем-то полезна... – предположил я, встав за Ириным плечом и заглядывая на страницы перелистываемой ею книги. На пожелтевшей бумаге мелькали изящные, почти хирургические рисунки: способы извлечения желёз у снежных саламандр, лунный цикл сбора почек с Древа Снов. А потом... иллюстрация, от которой кровь отхлынула от лица. Схематичное, но безошибочное изображение феникса в момент возгорания, с пометками о температуре и оптимальном расстоянии для сбора образующегося пепла. Я резко отвел глаза.

Этот вечер мы провели, зарывшись в талмуды. Тишину нарушал только шелест страниц да тихое постукивание коготков Милы по каменному полу, когда та бродила по комнате, обнюхивая углы. На следующий день договорились встретиться с утра возле столовой. Однако стоило вынырнуть из каморки комендантши, как рядом очутились Танари и Эмми:

– На ловца и зверь бежит, – констатировала моя землячка. – Мы тебя обыскались...

Они стояли, слегка запыхавшиеся, на щеках играл румянец – не от мороза, а от быстрой ходьбы по бесконечным коридорам академии. На Эмми была лёгкая, практичная куртка, Танари же щеголяла в изящном, но явно магическом плаще, с капюшоном, отороченным шёлком. От них пахло свежестью, как после дождя, и... лёгким запахом озона, как после близкого разряда магии.

После этих слов пришло осознание: «Поспать мне явно не суждено». Какая муха их под хвост укусила? Уехали отдыхать, досрочно вернулись, и я им срочно понадобился.

– Что случилось?

– У Родни что-то с его демоном... – отозвалась чернявая, сверкнув очами. – Просил, чтобы ты приехал. Мы днём примчали сюда. Сколько ни искали – не могли найти.

Ещё бы нашли. У меня сегодня маршруты нестандартные. Сначала порталный зал, потом всякие ненужные адептам в процессе обучения места – канцелярия, хозчасть и прочее... Опять же башня... Могли застать в библиотеке или столовой, но и там мы оказывались в неурочное время.

– К нему? – удивился я, памятуя о том, что товарищу ничего не стоит с помощью леросса выиграть добираться до академии и обратно. Значит, с демоном и вправду что-то неладно.

Девушки синхронно кивнули. Я лишь вздохнул. Выспался, называется.

– Хорошо, я тогда к нему. И это... девчонки, если вдруг задержусь – у нас в академии новенькая. Русоволосая. Из России, – я взглянул на Эмми. – Зовут Ириной. Надо помочь адаптироваться. И обязательно записать её на дежурство в порталный зал на следующее воскресенье. У меня прорицатель знакомый. Нам всем полезно приблизить эту девушку, и двух других, которые прибудут ровно с недельным интервалом после неё. Они должны войти в состав экспедиции. Только у Иры не спрашивайте про способность. Это засекречено...

– Но ты знаешь? – ухмыльнулась Танари, скрестив руки на груди. Её кошка, чёрная тень, бесшумно выскользнула из-под плаща и уселась рядом, уставившись на меня не мигая.

– Так вышло, – развёл руками я. – Благодаря мне и в моём присутствии она обрела дар... Не «пробудила», а именно обрела. С нуля.

Добавить мне было нечего. Девушки побуравили меня взглядами, переглянулись и, видимо, смирились с дозированной информацией.

– Хорошо. Коль полезна и нужна, будем приручать. Где живёт? Не в городе же? Для новенькой это слишком... – уточнила Эмми, поправляя короткую прядь светлых волос. Её фамильяр-хомяк выглянул из-за ворота куртки, пошевелил усами и снова спрятался.

– Ловите на выходе из женского общежития. Но не в нём, – немного путано напутствовал я и, распрощавшись с девчонками, направился к выходу из академии, на ходу позвав зачермышку.

За воротами поймал экипаж. Воздух был мягким, тёплым, пах цветущими где-то вдали садами и нагретым за день камнем мостовой. Я откинулся на сиденье, наблюдая, как мимо проплывают освещённые плярисами особняки, их окна светились жёлтыми уютными квадратами. С ветерком донёсся до особняка минут за двадцать.

Особняк Родни выделялся даже среди соседских – не размерами, а какой-то безупречной, но холодной гармонией. Сейчас в нём горело всего несколько окон, и свет казался тревожным, одиноким. «Я его не чувствую... Будто его здесь нет», – поделился ощущением Белка, явно имея в виду леросса. Это прозвучало как приговор.

Родни оказался дома. Вот только парень не находил себе места. Он метался по кабинету, его обычно безупречные волосы были взъерошены, а на лбу блестела испарина.

– Наконец-то! – хозяин дома буквально кинулся ко мне. – Ты говорил, у тебя есть знакомая порталщица, сильная? Можешь с ней связаться и попросить помощи?

– Эмм... – я несколько опешил. Не то чтобы её не было, но вот так? – Она как бы есть, но я ей пока ещё должен услугу. И зачем тебе? Что случилось? Где твой...

– На Рестанге, – оборвав меня на полуслове, ответил Родни. Голос у него был сдавленным, будто он говорил сквозь тугий узел в горле. – Мне надо попасть туда, попытаться помочь ему и вернуть нас обратно.

– Ясно. Попробую сейчас связаться. И, кстати... новостей много. Остальные потом, но одну ты должен узнать до посещения родного мира.

– Не тяни... – с мольбой во взгляде пробормотал товарищ, схватившись за спинку кресла так, что костяшки пальцев побелели.

– У меня есть родственница. Она прорицатель. О ней говорить не хочу, – сразу предупредил возможные вопросы. – Но полезные советы получаю порой. И благодаря им я отправлюсь с вами на Верайн. Она назвала примерный список участников для успешного прохождения по этому миру.

– Майкл, я рад, что ты с нами, но мне точно это надо узнать именно сейчас? Каждая минута на счету... – воззрился на меня Родни. В его глазах читалась настоящая, животная паника, которую он едва сдерживал.

– Да, – кивнул я твёрдо. Это был не каприз, а необходимость. – Во-первых, тебе надо забрать из своего мира какого-то друга. Знаю только, что он оборотень. И ещё... У нас в потенциале имеется универсал с развитием почти всех направлений. Но ему нужен уникальный фамилляр. В идеале – как и у тебя, спутник-леросс...

– Вот это ты озадачил... – едва слышно отозвался товарищ. Он прошёлся по комнате, сжав виски пальцами. – Найдём Мертона – озадачим. Но сомневаюсь... Они слишком гордые, чтобы идти к кому-то в пару. А насчёт оборотня... Разве что тот парень, с которым я дружил в детстве... – предположил Родни, протягивая мне амулет для магической связи. Камень в его оправе был тёплым, почти живым на ощупь, и от него исходило слабое, прерывистое биение, как от сердца.

Если бы я умел им пользоваться. И надо сначала убедиться, что озвученные мной слова – не пустое сотрясение воздуха.

– Ты говорил, он из простых? – удивился я, понимая, что человек в сорок два – это уже, мягко говоря, не парень.

– А должен был сказать, что он дракон? – Родни горько усмехнулся. – За сокрытие этой информации казнили бы и его вместе с семьёй, и меня – вне зависимости от того, что я виртонг и сын владыки. О таком или заявляют едва узнав, или молчат всегда... Это не закон, Майкл. Это – выживание. Так было всегда.

– Ты в другом мире, и у вас там отношение к драконам изменилось... – искренне не понял я степени секретности по потерявшему актуальность вопросу.

– Так-то так, но есть прегрешения в глазах фанатиков, не имеющие срока давности. По нынешней строке закона обвинить не смогут. Но кто сказал, что все смирились с новым положением дел? Втихую прикопают меня и всех причастных, – невесело усмехнувшись, пояснил фактическое положение дел Родни. В его словах не было паранойи. Была усталая, выстраданная правда.

Тут мне сказать было нечего. Жизнь на Земле далека от их реалий, где гуманизм никто не насаждал. Мне в принципе не понять, как можно убить человека... существо только за то, что оно иного вида. И тем более как можно лишить жизни проявивших гуманность и не оповестивших соответствующие органы о выявлении существа некоего вида. Даже кабанов в лесу просто так не убивают. А здесь речь о разумных.

Развивать эту тему желания не было. Разные миры, различный менталитет. Радовало, что Родни оказался редким исключением из их идиотских правил. В его кабинете пахло старым деревом, дорогим виски и страхом – острым, металлическим.

– Род, как этим пользоваться-то? – я взглядом указал на амулет связи, чувствуя себя неловко от своего невежества.

– Мысленно представь, с кем хочешь связаться, и...

Он говорил, а я, продолжая держать в руке амулет, произвольно вспомнил Каменюку. Не её лицо, а ощущение: резкий, как укус, характер, запах ладана и старых книг, исходящий от неё, и цепкая, железная хватка её магии.

– Неужто уже готов обязательство исполнить? – раздался знакомый ворчливый голос прямо у меня в голове, заставив вздрогнуть. – Ну уж нет, ты не торопись. У меня потом смысл

жизни пропадёт. Лучше расскажи, как там твоя девочка? Успел? Вылечили в мирах?.. – посыпался шквал вопросов, быстрых и колючих, как штыки.

– Подождать не против, потому что не готов. С Настей... Успел, но там всё непросто. В двух словах не расскажешь.

– Чего ж тогда тревожишь старушку? Решил убедиться, что не померла? Так не дождёшься...

– Тьфу! – вполне искренне сплюнул я. – Не каркайте, и в мыслях такого не было. К тому же не такая вы и старушка.

Ну, вправду – ей от силы шестьдесят, а может и пятьдесят. И не исключено, что это показной возраст, а реальный может оказаться втрое больше или меньше. Маг выглядит настолько, насколько себя чувствует. Вон Викентьевна за полгода, что мы знакомы, лет на двадцать помолодела. Видимо, что-то хорошее в её жизни происходит. Хотелось бы верить, что это хорошее – я, но не верилось.

– А чего тогда? Неужто соскучился? – не без язвительности поинтересовалась она.

– Антонина Филимоновна, мне помощь ваша снова нужна...

И понеслись уговоры. Хотя казалось, ломалась она сугубо для приличия. Явно засиделась, уйдя от дел. В её голосе, сквозь привычную ворчливость, проскальзывало нетерпеливое ожидание, даже азарт. А услышав, куда предстоит отправиться, и вовсе оживилась. Всё-таки проникнуть в закрытый мир – даже для суперпродвинутых порталщиков – сложно. Нужен некто-ключ, тот, кто имеет корневую привязку к Рестангу. И у нас был Родни.

– Ок, я в деле! – резюмировала неожиданно Каменюка в то время, как я пытался придумать новые аргументы для уговоров. – Откуда стартуем? И когда?

Я взглянул на прислушивающегося к разговору Родни. Он замер, не дыша.

– Вы сможете перенестись к Майклу сейчас? – поинтересовался он, и я растерялся – не знал, что так можно.

– Мир какой? – уточнила Каменюка, и в её тоне не было ни тени сомнения, лишь деловая резкость.

– Картэн, – ответил я, опасаясь, что она окажется где-то далеко и всё же откажет.

– Дайте полчаса собраться... – отозвалась она вместо ответа и прервала связь, не сомневаясь в нашей согласии. – Понадобятся кристаллы-накопители.

– Будут, – вмиг заверил женщину мой товарищ, и в его глазах вспыхнула первая за этот вечер искра надежды.

Мы не сговариваясь рванули во двор особняка. Всё же имелась вероятность застревания в потолках, полах или стенах здания. На свободном месте на улице как-то спокойнее будет. Ночь была тёплой, тихой, звёзды над Картэном сияли мягким, неагрессивным светом. Мы стояли на аккуратно подстриженном газоне, и в воздухе витал сладковатый аромат ночных цветов, смешанный с запахом влажной земли.

Пока ждали появления Каменюки, рассказал товарищу историю нашего с ней знакомства. И про Иру. И про Лекса. Говорил быстро, сбивчиво, пытаясь уложить недели событий в минуты. Родни слушал, кивая, но взгляд его постоянно скользил по тёмному пространству двора, выискивая движение.

– Сложнее всего то, что особенности Иринога дара надо хранить в секрете. Но ситуации бывают разные. Могут спровоцировать. Как это сделала Машка в парке. Хорошо, если никто не видел. А если...

Я вздохнул, пытаясь вспомнить, в какой именно момент свалила сама Маша? Видела ли она перерождение Иры или нет? Память выдавала только кашу из шока, огня и боли.

– Даже если она не видела возрождения, это не гарантирует того, что они при встрече не узнают друг друга... – отозвался встревоженно озирающийся по сторонам Родни. – Она

может не прийти? – товарищ озвучил мучающие его сомнения, и в его голосе снова зазвучала предательская дрожь.

– Я всегда держу своё слово, виртонг, – раздался знакомый голос из-за спины, сухой и чёткий, как удар камня о камень. – Вы готовы? Куда переносимся? Имеется изображение?

Она возникла не из портала, не из тьмы. Она просто появилась в трёх шагах от нас, будто стояла там всегда. Антонина Филимоновна. На ней был походный плащ поверх простой тёмной одежды, в руках – небольшой, но увесистый мешок. Её глаза, острые, как скальпели, мгновенно оценили обстановку, Родни, меня, небо над головой. От неё пахло озоном, пылью дорог и чем-то горьковато-пряным.

Хм... Ну ладно, этап расшаркивания и знакомств опустим. А как она поняла, что он виртонг? Они же внешне ничем не отличаются от людей. Или это мне так кажется? Может, это что-то в ауре, в магическом отпечатке, что видят только свои?

– Образ местности из воспоминаний сможете использовать? – уточнил, обращившись к женщине, Родни. В его позе читалось невольное напряжение, почти вызов. Встреча двух сильных, не привыкших уступать магов.

Хм... А так можно было? Сколько ещё открытий меня ждёт? Я стоял меж ними, чувствуя, как от предстоящего прыжка в неизвестность замирает сердце и по спине пробегают мурашки. Но отступить было некуда. Мертон ждал. И где-то там, на Рестанге, ждал дракон.

Глава 4

– При наличии физического контакта – да, – уверенно откликнулась Каменюка, подняла взгляд, и...

В её взгляде мелькнуло узнавание, надежда. Женщина мотнула головой, будто отгоняя наваждение и стараясь сосредоточиться.

– ...Желательно безопасное место, – продолжила говорить она, странно растягивая слова. – Для последующего перехода внутри мира потребуется время на восстановление.

– Есть кристаллы-накопители, – напомнил Родни, невесть когда успевший прихватить с собой рюкзак, где имелись столь полезные предметы. – Возьмите на всякий случай один сразу... – он протянул Каменюке мерцающий перламутровый кристалл.

Как сдержался, чтобы не перехватить вещицу? Ведь прежде только слышал об их существовании. Увидел впервые. Какова она на ощупь? Что ощущаешь, держа в руках...

Мы перестраховались, обеспечив всех участников переноса физическим контактом. Белка забрался мне на плечи, вцепился лапами в шею, обернувшись вокруг нее наподобие воротника. Родни одной рукой приобнял меня, вторую протянул Антонине Филимоновне.

Я думал, что уже достаточно попутешествовал по мирам, чтобы испытать нечто новое? Наивный...

Мир размазался. Кажется, я сам рассыпался на молекулы. Не больно, но странно и страшно. Особенно то, что ты это осознаёшь. Потом вновь собрался. Пришло головокружение и полная дезориентация в пространстве. Я не понимал: где верх или низ. Я не стоял, летал в невесомости. Перед глазами туман. Плотный. Не видно, что вокруг и кто рядом. Прикосновения товарища или присутствие фамильяра не ощущалось. Это пугало.

Приземление прошло почти удачно. На четыре точки. В не просто горячий, а в раскалённый и рыхлый песок. При этом едва не придавил оказавшегося подо мной зачермышку. Я по-прежнему не видел, но чувствовал его. Где-то рядом хором выругались Каменюка и Родни. А следом по глазам ударил яркий свет. Кожу опалили нещадные лучи пустынного солнца в зените. Лёгкие вмиг ощутили чрезмерную сухость воздуха.

– Это безопасное место? – прохрипела заматывающаяся предусмотрительно взятым с собой шарфом Каменюка.

Я, вставая, взял на руки Белку и бросил недовольный взгляд на товарища. Если не бывавшая тут женщина додумалась взять шарф, то он-то чем думал?! Или бывавшая? Или просто много знающая о мирах? Да, наверное, всему виной возраст, опыт и знания...

Что-то Рестанг мне не понравился. Начиная с ощущений во время перехода, заканчивая встретившим нас климатом. Ещё и атмосфера здесь странная. Навевает уныние, безысходность. Вызывает желание лечь и умереть. Брррр...

– Я понятия не имею, какая тут сейчас политическая обстановка... – отозвался Родни, прикрывая глаза и явно к чему-то прислушиваясь. – И мы почти на месте... Они там... – парень, не открывая глаз, кивнул, указывая направление.

Чем это «там» отличается от прочих направлений? Со всех сторон – равномерно распределившиеся песчаные барханы. Солнце, вернее аналогичное ему светило, ровно над головой. Как здесь определить стороны света? Но он понял что-то. Придётся поверить. Возможно, с уникальными и легендарными магическими спутниками связь крепче, и ощущения ярче. Чувствуется направление, расстояние?

Родни снял рюкзак, достал оттуда пару широкополых шляп на завязках под подбородок. Три фильтра-намордника, бутылку воды. Пустил тару по кругу. Раздал амуницию. Я устыдился. Вышло, обвинил товарища раньше времени. Он просто не успел выделить нам причитающуюся защиту заранее.

Каково идти по сухому рыхлому песку, проваливаясь при малейшем неловком движении по колено? Метров через сто я начал с надеждой коситься на нашу порталыщицу.

– У меня резерв не безразмерный... – заметив мой взгляд, ответила женщина.

Хотел напомнить про кристаллы-накопители, но как-то мысль вылетела. Жара плавила мозг. Мышцы всего тела стонали. Хотелось лечь и умереть.

– Вон там! – до неприличия бодро воскликнул Родни, указывая в одном ему различимую точку на горизонте.

– Что там? – буркнул я.

– Вход в подземные пещеры...

Я чуть глаза не сломал. Ничего не увидел. Наверное, у виртонгов зрение многократно острее, нежели у людей. Перспектива оказаться под толщей песка тоже не слишком впечатляла. Один плюс – там не будет так жарко. Надеюсь, не будет. Зато темно, и есть шанс быть погребёнными под тоннами песка. А ведь предстоящая экспедиция вряд ли окажется более комфортной. Спрашивается, зачем мать туда понесло? Ладно, от мужа с Земли свалила. Это можно понять. Но Верайн?

«Если бы твоя Настя сейчас оказалась там, ты бы рванул на Верайн?» – впервые с момента переноса подал голос Белка.

«Ну, это другое...»

«С чего ты взял? Помнишь – она там с твоим отцом.»

«А его за каким туда понесло? Ещё и мать потащил. Я бы Настю туда ни за что не взял...»

«Ой ли? Смотря какой дар у неё откроется!» – ехидно забулькал от смеха зачермышка.

Я искренне возмутился.

«А что же ты дочь свою мечтаешь с собой взять?»

И ведь прав. Поддел. Так и есть. Правда, не воспринимаю я Джастин как дочь. Подругу? Да. Родной и близкий человек? Да. Дочь... Видимо, чтобы ощутить такую степень родства, нужно воспитать ребёнка. Иначе это не более чем слово.

«Про отца твоего я узнавал... Он не мог покинуть Верайн. Эвакуировал вас. Потому твоя мать с тобой на Земле у деда когда-то и оказалась».

– Тут где-то камень нажать надо... – донёлся извне голос Родни.

Встряхнув головой, сосредоточил взгляд и ошалел: в пылу спора и эмоций шёл на автопилоте и даже не заметил, как добрался до входа в подземные пещеры. Выглядело место со стороны как очередной бархан. Вот только состоял этот гребень из камня, внешне совершенно не отличающегося от окружающих песков. Лишь вблизи удивляло то, что одна из сторон бархана практически вертикально стоит. Однако свет играет так, что образуется визуальная иллюзия, позволяющая входу в подземелье замаскироваться, мимикрировать под окружающую среду.

Белка соскочил с рук. Метнулся к стене. Встал на задние лапки, передними нажимая на ничем не отличимый фрагмент стены.

«Помог бы что ли...» – пробормотал он в моей голове, и я поспешил на помощь.

Камень под ладонью действительно подался вперёд. Послышался тихий скрежет. Повеяло прохладой. И часть стены сместилась в сторону, образуя довольно просторный проход.

Не стовариваясь, одновременно шагнули внутрь. Лишь зачермышка умчал вперёд.

Насчёт темноты я оказался неправ. Пол, стены, потолок светились, будто фосфоресцировали. Создавался странный эффект без теней. Это позволяло совершенно спокойно продвигаться вперёд, не опасаясь споткнуться или наткнуться лбом на стену.

– Вода осталась? – поинтересовался я у Родни, стягивая с себя намордник и вдыхая сухой, но прохладный воздух подземного хода.

Сделав пару глотков, почувствовал себя живым.

«Ты где?» – спросил у Белки.

«Нашёл Мертона... Он не один. Выйти навстречу не сможем. До развилки дошли?»

«Нет...»

«На ближайшей к вам развилке налево. Потом направо. Два раза прямо. Налево. Один раз прямо. Там встретимся...»

Вот это скорость. Когда он успел пробежать столько и дорогу запомнить? Озвучил спутникам сказанное фамильяром, надеясь, что не переврал направления.

– Как там Мертон? Что с ним? Кто там ещё? – заваливал меня вопросами Родни, вот только я ответов не знал, а зачермышка как назло притих и не откликнулся.

Шли довольно бодрым шагом минут сорок. Это с какой же скоростью промчался по подземным ходам Белка, чтобы минут через пять выдать маршрут. И страшно подумать, сколько тут плутали бы мы. Количество развилочек напрягало. Как и то, что все проходы с виду одинаковы. Надеюсь, нам не потребуется искать отсюда выход самостоятельно.

Цель обнаружилась в небольшой пещере. Представшее зрелище впечатлило. Мой желудок едва не вывернулся наизнанку.

То, что было прежде красавцем-лероссом, сейчас представляло собой весьма жалкое зрелище. Израненный. Истекающий сукровицей. Глаза заволкло мутной плёнкой. Рядом грудой мяса лежал некто. Тоже немалых размеров туша. Можно подумать, что это труп, но, несмотря на бесформенное состояние, явно прослеживается дыхание. В носу стоит вонь разложения, нечистот и болезни.

– Боги... – только и смог выдохнуть Родни, падая на колени рядом с Мертоном.

– Не прикасайся! – приказала Каменюка таким тоном, что послушаться было невозможно. – У вас есть огнекамень, закалённый драконом? Или живой дракон под рукой? – осматривая пострадавших, уточнила она.

– Эээ... Есть. А зачем? Что с ними? – товарищ явно разрывался между желанием приблизиться и отшатнуться.

– Одного отравили. Второй взял часть воздействия на себя. Это не спасёт. Умрут оба. Но позднее, чем умер бы первый в изначальном состоянии. Коснёшься – разделишь их участь. Я такое уже видела... Спасёт драконий огонь. Думай, виртонг.

– Тот друг детства? – напомнил я наш разговор в особняке.

– Сил хватит перенести к тому, кого представлю, и обратно? – уточнил товарищ у порталщицы.

– С учётом кристалла, да, – кивнула она и протянула ему руку.

Остаться здесь наедине с умирающим лероссом и неведомым существом, превратившимся в комок пока ещё живой плоти, не хотелось. Тонны песка над головой. Километры переходов. Бескрайние просторы пустыни... Неизвестный закрытый мир. С учётом всего этого даже присутствие фамильяра ничуть не утешало. Но и остановить спутников, повиснув дополнительным балластом, я не мог. На кону как минимум две жизни.

«И один из них – потенциально уникальный спутник жизни для мага...» – подлил масла в огонь Белка.

Не зря говорят, что всё, что не делается, – не случайно и к лучшему. Как бы жестоко ни звучало, но всё именно так. Дракон сейчас будет рядом, и потенциальный спутник для Лекса.

Одного осталось уговорить присоединиться, второго откачать, чтобы душу богам не отдал. Потом убедить посмотреть на потенциального спутника жизни. Ещё бы на Землю смотаться и Лёху Степного на Картэн вытащить... Отловить ещё двух новеньких с Земли. Тогда дело станет лишь за обучением участников и подготовкой.

Как бы ни пытался отвлекать себя позитивными мыслями, не помогало. Окружающая атмосфера, вонь, страх, что товарищи не вернуться. Не потому что бросят, а потому что случится что-то... И как назло время тянется мучительно долго. Пытался с Белкой поговорить. Молчит. Марширует из угла в угол. Понурился. Хвост опустил. Оптимизма это не добавляет.

Внезапно в пещере стало тесно и шумно. Бледная как привидение Каменюка буквально сползла по стенке на пол. Я хотел броситься к ней, но, услышав молодецкий храп, решил воздержаться. Видимо, она так восстанавливается. Вторым оказался измождённый парень, на вид не старше нас, со следами цепей на руках и шее, со странными седыми прядями в тёмных волосах. Родни трепал его за плечи, причитал, прося прийти в себя, помочь. Плакал. А я стоял, не зная, чем помочь.

«Коснись дракона. Я помогу передать ему часть жизненных сил...» – произнёс зачермышка.

«Жизненных?!» – это меня напрягло.

«Переживёшь... Виртонга обнулять тут нельзя. Портальщицу тем более. Только ты можешь пожертвовать этой энергией без ущерба для себя и окружающих...» – пристыдил меня фамильяр.

Пришлось соглашаться. Хотя не хотелось... Наверное, я всё же эгоист.

Что делал зачермышка, не знаю. Не понял. Всё происходило слишком быстро. Вот я делаю шаг к парню. Протягиваю руку, касаясь его предплечья. И в какой-то момент ощущаю дикую слабость, успев заметить вспыхнувший на щеках незнакомца румянец.

«Упс! Переборщил...» – констатировал мой пушистый садист. – «Скажи виртонгу, пусть даст ему кристалл-накопитель...»

Легко сказать «скажи». А если язык не шевелится?

Какое-то время ушло на попытки достучаться до товарища. Сказать или подойти и показать жестами я попросту не мог. Слишком много сил слил Белка. Мычал. Да только дракон хоть и посвежел, но в сознание не пришёл. Как итог, пещеру по-прежнему заполняли причитания Родни, храп Каменюки, хриплое дыхание Мертона, тихие стоны неведомого существа. Мои попытки привлечь внимание за всей этой какофонией результата не приносили.

«И какого хрена меня сюда понесло...» – бессильно простонал я мысленно.

«Жизнь Родни для тебя не важна?» – в голосе Белки послышалось удивление.

«При чём тут это?» – не понял я.

«При том, что лероссы редко связывают свою жизнь с кем-то именно потому, что смерть одного из спутников означает смерть для обоих... Демоны почти бессмертны,» – добавил он, а я мысленно повторил:

«Почти...»

Но существуют яды, способные превратить их в кусок мяса...

Обычно они не хотят связываться с кем-то, чтобы не рисковать своей жизнью. А сейчас Мертон находится на грани. И это угроза для Родни. Моего единственного в мирах друга!

– Род... Род! – осознание серьёзности ситуации придало сил, и даже голос прорезался.

Товарищ обернулся.

– Я влил сил... Дай ему кристалл...

На большее меня не хватило. Осталось лишь лежать безвольно, наблюдая за происходящим. Родни всё понял правильно. Достал кристаллы. Сунул для профилактики всем по штуке. И мне, и спящей Каменюке, и дракону.

А дальше... Дальше я всё пропустил, непреднамеренно последовав примеру нашей портальщицы и отключившись. То ли сознание потерял от нехватки жизненных сил, то ли уснул? Сколько времени прошло, прежде чем пришёл в себя? Не знаю. В подземелье ни рассвета, ни заката. Зато мы с Каменюкой оказались не в пещере, а метрах в двадцати от неё – в подземном ходе.

«Очнулся? Я же говорил, тебе ничего не грозит...» – проворчал, заворочавшись у меня под боком, зачермышка.

Встал. Ожидал как минимум головокружения. Странно. Перед этим вырубился из-за потери сил, ведь. А сейчас вполне бодр, ни малейшего следа от былой слабости. Только мышцы

и суставы ноют, жалуясь на долгое пребывание в неудобной позе и на твёрдой поверхности. Видимо, сон и кристалл сделали своё дело.

Взглянул на лежащую рядом порталыщицу. Та уже не оглашала округу молодецким храпом, а посапывала. Бледность ушла. Прошёл к пещере. Четыре бесчувственные тела. Родни. Тот парень с белыми прядями в тёмных волосах. И... два демона! Именно демона. Здоровенные. Метра по три ростом. С витыми мощными рогами. Один красный. Второй чёрный с красными отливами.

Морды... Взять быка, содрать с него кожу, увеличить раз в пять глаза, расширить рот, наполнив острыми зубами. И с морды лица будут как два брата-близнеца. Тела увиты узлами мышц. Покрывает их местами очень прочная с виду кожа, местами крупная, напоминающая пластины, чешуя. Одежды нет. Шерсти тоже. Верхние конечности практически человеческие, только когти великоваты. Нижние трудно с чем-то сравнить. Ничего похожего прежде не видел. Не копыта, но и лапами сложно назвать.

Очевидно, это и есть истинный облик лероссов? Впечатляющее зрелище.

«Что я пропустил?» – поинтересовался я.

«Почти то же, что и я... Дракон очнулся. Они оттащили вас в сторону. Он сменил ипостась. Дальше не видно было за его тушей. Весь проход заслонил. Могу одно сказать – задница у него бирюзовая, отливает перламутром и фиолетом. Потом я поделился с тобой энергией и вырубился...» – отчитался зачермышка.

Хм... Так вот почему я настолько бодр? Всё же порою от зачермышки и вправду толк есть, помимо умиления.

– Ты ж мой хороший... – я, подхватив песка на руки, потрепал его за ушком как обычную зверушку.

Зачермышка по инерции дёрнулся, типа не соглашаясь с подобным обращением, и в то же время заурчал. Потом расслабился и вывернулся так, чтобы я потрёпал ещё и брюшко. Вот же выпендрёжник! Помню, как Настя его тискала, он млел как обычный котяра и не выделялся.

Настя. Столько планов, столько желаний. А когда её найду, что делать буду?

«Что надо, то и будешь... Не отвлекайся! Проблемы надо решать по мере их поступления! А у тебя вообще мыслительные процессы нарушают моторику...» – разворчался мой фамильяр, которого почесывать не с той интенсивностью начали, видите ли.

И снова я как неприкаянный. Спасибо Белке, подсказал, чем могу быть полезен. Это действительно оказалось по силам. А сейчас что делать? Все обессилены. В отключке. Остаётся тупо сидеть и ждать, пока придут в себя. Зато появилась возможность рассмотреть демона в истинном обличье. Радует, что Родни удалось их спасти.

Глава 5

То ли расслабился, то ли слишком приблизился? Миг – и я был прижат к холодной каменной стене гигантской тушей незнакомого демона. Камень вдавился в спину, перехватив дыхание.

– Человек... это хорошо. Это вовремя... – хрипловато пробасил он прямо над моим ухом.

Голос был похож на скрежет валунов в глубине пещеры, и от него холодный пот заструился по позвоночнику.

– Брат, не трожь его. Он нас спас. У нас перед ним долг... – донёсся из-за спины исполина другой голос, низкий и знакомый, но лишённый привычной силы. Мертон.

– Долг... – выдохнул мне в лицо демон. Его дыхание било жаром, но не пахло ни серой, ни тленом – лишь сухим теплом раскалённой пустыни, песком и камнем. – Долг платежом красен...

Огромная морда с чёрными, бездонными глазами, в которых не было ни белка, ни радужки, висела в сантиметрах от меня. Губы, похожие на грубые кожаные ленты, приподнялись, обнажив клыки, способные перекусить стальной прут.

– Что в оплату потребуешь?

Сердце глухо стучало где-то в горле. Я собрался с мыслями, вынуждая губы шевелиться.

– Спутником сможешь стать?

Подземный ход вздрогнул от разразившегося хохота. Звук, гулкий и дикий, эхом прокатился по каменным сводам, осыпая мелкой пылью.

– Брат, стоило ради этого спасать? Не велика честь – третьим стать...

– Третьим? – растерялся я, сбитый с толку.

«Он про тебя и меня подумал...» – как удар хлыста, в сознание врезался голос Белки.

– Ааа... Нет-нет! Это не мне! – воскликнул я, едва не подпрыгнув на месте.

– Докажи! – протянул мне руку чёрно-красный демон.

Ладонь была огромной, с толстыми, жилистыми пальцами, заканчивающимися короткими, отполированными до тёмного блеска когтями, похожими на обсидиановые наконечники.

Я с опаской покосился на Мертон, памятуя жёсткое предупреждение Каменюки. Прикасаться к отравленному лероссу было смертельно. Но Мертон, полусидя в углу пещеры, слабо кивнул. Его раны уже не сочились, но кожа вокруг них имела болезненный, восковый оттенок.

– Сейчас безопасно. Яд нейтрализован, – пробасил он, и в голосе сквозь слабость пробивалась твёрдая уверенность. – Покажи ему воспоминания о том, кто потенциальный спутник.

«Пробуй. Это неизбежно...» – отозвался зачермышка, и в его тоне не было места для споров.

Что оставалось? Глубокий, дрожащий вдох. Выдох. Я зажмурился, отсекая страх, и протянул руку навстречу исполинской ладони.

Прикосновение было... просто прикосновением. Ни боли, ни жара, ни леденящего холода. Лишь ощущение очень тёплой, грубой, жилистой кожи, натянутой на стальные мускулы. Я собрался вызвать в памяти образ Лекса – его язвительную ухмылку, холодные аналитические глаза, строгие черты лица. Но мысли понеслись сами, ускоряясь: обрывки его диалогов в библиотеке, презрительные реплики о «картэнских неженках», момент, когда он, стиснув зубы, принимал решение в парке... Всё смешалось в стремительный поток.

Тут же мою руку отпустили. Видимо, увидели достаточно.

И в ответ, в моё сознание хлынули чужие воспоминания. Мелькнул знакомый, ненавистный образ – огненно-рыжая шевелюра, хищный оскал, зелёные «ведьмовские» глаза, полные

наглого торжества. Машка. Я невольно сам ухватил леросса за запястье, пытаюсь удержать, разглядеть этот фрагмент чётче.

Демон не сопротивлялся. Наоборот, его сознание, огромное и чужое, сжало мой мысленный щуп и будто приблизило картинку, заполнив всё поле зрения. Беззвучный, но кристально ясный вопрос прозвучал в голове: «Знаешь, где найти эту тварь?»

«Увы... Сам бы хотел у неё кое-что забрать...» – так же мысленно, на автомате, ответил я, и тут же пожалел о своей откровенности.

«Значит, найдём», – уверенно, как приговор, припечатал демон. И в этом «найдем» слышался не вопрос, а обещание, от которого похолодело внутри. Обещание охоты.

Её уже и сюда занесло? До чего же малы, до чего же тесны миры, если все нити так причудливо и зло переплетаются. Родные оказались чужими и далёкими. Родни – скрывающим свою суть виртонгом. А Машка... мы росли бок о бок, делили детские секреты, а выходило, я не знал её вовсе. Не видел, что скрывалось за якобы дружеской улыбкой.

– Можно у него глянуть? – раздался грубый, режущий тишину голос. Демон уточнял у Мертона, кивнув в сторону Родни.

Тот кивнул в ответ, едва заметно. Чёрно-красный исполин наклонился к Родни, привалившемуся к стене в полной прострации, и кончиком когтя, с пугающей осторожностью, коснулся его щеки. Замер, будто вслушиваясь в тишину за закрытыми глазами товарища. Потом выпрямился, вышел обратно в проход. И кивнул один раз, резко и чётко.

– Я согласен, – коротко изрёк он, обводя нас своим бездонным взглядом. Сказал и вернулся в пещеру к брату, его огромная спина на мгновение перекрыла тусклый свет фосфорицирующих стен.

«Я рад. Но сейчас дай отдохнуть. Много энергии потратил...» – проворчал зачермышка, и я почувствовал, как он тяжело уstraивается у меня за спиной, а затем сползает на каменный пол, сворачиваясь в белый пушистый клубок прямо возле спящей Каменюки.

Глупая, щемящая, детская ревность кольнула под рёбра. Мой фамильяр, а пристроился к ней. Я отогнал это чувство, стыдясь его. Эмоции – эмоциями, но слова «Я согласен» звучали в голове победным, ликующим маршем. Полдела сделано! Может, поэтому и взбрыкнул Белка? Ему тоже не по нраву, что его уникальность и роль вот так оспаривают, что нашли «освобождение» без его помощи?

Теперь бы только поделиться новостью с Родни, увидеть надежду в его глазах. Но товарищ спал глубоким, истощённым сном, и будить его не поднималась рука. Остальные тоже были не в строю. Витор, как звали дракона – без сознания. Каменюка – в отключке. Я снова остался один на один с гулкой, давящей тишиной подземелья. Демоны не в счёт – с ними я уже «пообщался» сполна, и этого хватит на год вперед.

Что дальше? Я на Рестанге. Галочка о посещении ещё одного мира могла считаться поставленной. И что я здесь, собственно, увидел? Бесконечную, выжженную солнцем пустыню за порогом, искусную маскировку входа и эти бесконечные, однообразные подземные ходы, где все повороты и развилки похожи друг на друга, как братья-близнецы. Создавалось стойкое впечатление дешёвой театральной декорации, где все события пьесы происходят в одной-двух локациях. Единственным разнообразием был стартовый пейзаж – безжизненные, палящие Ардонские степи. А после – лишь камень, холодный камень, вечный камень.

Да, я узрел истинный облик лероссов – редкая честь, если верить книгам, их мало кто видел и оставался в живых, чтобы рассказать. И, по словам Белки, мог бы увидеть собственными глазами дракона в его величественной второй ипостаси, если бы не валялся в беспомощности. Даже это, уникальное зрелище, я умудрился благополучно проспять.

Сбоку послышался сдержанный стон, затем шорох одежды по камню. Каменюка пришла в себя. Она села, с видимым трудом разминая онемевшие плечи и шею, и её острый, всё

оценивающий взгляд медленно обвёл присутствующих. Убедившись, что все на месте и дышат, она фыркнула и произнесла чётко, без намёка на слабость:

– Первую часть задачи я выполнила и перевыполнила. Без экскурсии отсюда не уйду!

– Я бы рад, Антонина Филимоновна, но тут опасно... – неожиданно отозвался Родни.

Он не спал – просто лежал с закрытыми глазами, восстанавливая связь с Мертоном. Теперь он приоткрыл их, и в глубине читалась усталая тревога. – Отец номинально у власти. Виртонги официально якобы приняли мир с драконами и лероссами. Но стоит ли в это верить, особенно после того, где мы нашли Витора? Здесь царит тихий, узаконенный беспредел. Идёт планомерная зачистка всех, кого древний артефакт власти может признать потенциально достойным. Лероссов, драконов, сильных магов-универсалов уничтожают подло, втихую, без шума и объявления войны.

Сразу вспомнился Лекс. Маг универсал с Рестанга, пусть даже виртонг. Скорее всего сейчас его жизнь была бы под угрозой.

– Политика, – развела руками Каменюка, и в её глазах не было ни страха, ни удивления, лишь привычное, усталое презрение. – Грязное, вонючее дело. Однажды окунувшись, уже не отмоешься до конца жизни. Я не претендую на парадный въезд в столицу и аудиенцию у владыки. Есть где-нибудь просто... красивые места? Горы, скалы, побережье, может, древний лес? Место, где могут покормить уставших скитальцев, не задавая лишних вопросов. Только эту пустошь не надо – насмотрелась до тошноты.

– Знаю такие места... – Родни вздохнул, проводя рукой по лицу. – Но не уверен, что виртонга, да ещё и сына бывшего владыки, будут рады видеть, скажем, в Драконьем гнезде, куда когда-то переехал Витор с отцом после смерти матери.

– Его отец же знал о вашей дружбе? – не удержался я. Казалось бы, естественный союз.

– Он очень стар. Годы в темнице, постоянный страх... Они меняют человека, – ошарашил Родни. – Не факт, что он меня вспомнит. Да и рисковать лишний раз... Витор – полукровка. Результат редчайшего, почти невозможного союза. Его отец – человек, сильный маг-воздушник. Мать – огненная драконица из знатного рода Дель Ларго, что гнездились в тех скалах. Её убили ещё до того, как мы с Витором подружились. За то, что «опозорила род», связавшись с человеком.

– А один виртонг имеет слишком длинный язык и слишком хорошую память у окружающих... – в тон ему, сквозь сон, пробормотал дракон. Голос был надорванным, хриплым, будто давно не использовался по назначению.

– Ты, мальчик, лучше скажи, как умудрился в такие сети попасть? Да ещё и в антимагических браслетах? – не отступала Каменюка, пристально разглядывая тёмные, загубевшие полосы на его шее и запястьях. – Это не просто цепи. Это ошейник и браслеты подавления. Редкая и дорогая вещь для столь юного преступника.

– Семейные склоки... – отмахнулся он, будто речь шла о пустяковой ссоре из-за наследства. – Родной дядюшка, считавшийся погибшим, «воскрес»... У него были старые, гнилые счёты к моей матери. К её способности, которую он так и не сумел перенять. Вот и всё... – его голос оборвался, веки снова задрожали. Он снова начал клевать носом, последние силы стремительно покидали истощённое тело.

Кивнув, как будто получила исчерпывающий ответ, порталыща повернулась к демонам, заполнявшим своим присутствием дальний угол пещеры.

– А вас, о непобедимые, как угораздило? – договаривать не требовалось. Вопрос висел в воздухе, острый и прямой.

– Мне нравится эта бесстрашная женщина... – усмехнулся чёрно-красный исполин. Ухмылка на такой морде выглядела леденяще жутко. – Прямота. Редкое качество.

– Лестно, – даже бровью не повела Антонина, принимая комплимент как должное. – Но это не ответ.

– Зачистка потенциальных претендентов на императорский трон, – хмыкнул демон, и в звуке было что-то от скрежета камней. – Мне их власть – как мёртвому припарки. Но кто в это поверит? Те, кому она нужна пуще воздуха, во всех видят конкурентов... Обидно не поражение. Обиден способ. Нанимают подонков, которые бьют исподтишка. Женщины – подлые твари в этом деле. Их излюбленное оружие – яды... Коварные, медленные, против которых сила бесполезна.

Каменюка выслушала, не моргнув глазом, и лишь пожала плечами, будто услышала констатацию погоды за окном. Родни между тем придвинулся к Витору, осторожно положил ладонь ему на лоб, закрыл глаза. Он не просто проверял температуру – он слушал. Менталист выискивал в бреду, в глубинах подсознания друга обрывки информации, намёки, следы.

Каменюка была, как всегда, права. Есть хотелось до дрожи в коленках, до лёгкой тошноты. И на этот мир, пусть краем глаза, взглянуть – не как на тюрьму или поле боя, а просто как на место. Только, ради всего святого, без лишнего экстрима. Его, я чувствовал кожей, впереди будет более чем достаточно.

– Его надо с собой забрать, – твёрдо сказал я, присаживаясь на корточки рядом с драконом. При ближайшем рассмотрении шрамы на его шее и запястьях выглядели ещё ужаснее – глубокие, рваные, со сходящими коростами, будто от многолетнего, намеренного трения кожи о холодный, неровный металл.

– Где вы его, собственно, нашли? – спросил я, уже догадываясь об ответе.

– В глухой, сырой темнице, под главным дворцом, – тихо отозвался Родни, не открывая глаз. – Он был прикован к стене именно этими браслетами и ошейником. Они подавляли всё – и магию, и саму возможность смены ипостаси. Без своего огня, без крыльев... Это чудо, что он вообще выжил. Без мощной порталной магии мы бы его оттуда не вытащили никогда. Замок – это одна из точек абсолютного нуля для порталов.

– И родные не искали? Отец? – не унимался я. Картина не складывалась.

– Искали. Не нашли. Искать порталщика на Рестанге, особенно связанного с правящим домом, – всё равно что искать собственную смерть и гибель всего рода. Думаю, дома его давно похоронили, списав на политические игры. Не уверен, что сейчас стоит беречь эти раны, возвращаясь в замок. Хотя... Витор наверняка захочет увидеть отца. Узнать правду.

У меня в голове что-то щёлкнуло, но картинка всё равно не складывалась. Мы нашли его почти мгновенно, по наводке Мертона, попав прямо в эпицентр. А они, с ресурсами целого рода... Видя моё немое недоумение, Родни открыл глаза и вздохнул, как уставший учитель, объясняющий простейшую истину.

– Малейший намёк, малейший след пробуждения порталной магии – немедленный смертный приговор не только для носителя, но и для всех его детей, родных до седьмого колена. Сначала мага держат в специальной темнице, где магию методично, по капле изымают. Здесь, на Рестанге, это умеют делать виртуозно. Эту энергию затем направляют на усиление границ мира, на поддержание непроницаемости материков. Искать пропавшего, если есть хотя бы тень подозрения в порталном даре, – значит подписать смертный приговор всему его роду. Молчание – единственная стратегия выживания.

Теперь всё встало на свои места. Ледяной комок страха сжался в желудке. Я произвольно посмотрел на Каменюку. Догадывалась ли она, проницательная, опытная женщина, на каком лезвии бритвы только что балансировала? Нам нужно было бежать отсюда немедленно, не задерживаясь ни на секунду, а не затевать живописные пикники.

Собрали что-то вроде военного совета вшестером – те, кто мог говорить и соображать. Обрисовали Каменюке все риски, нарисовали максимально мрачную картину. Тщательно объяснили ей судьбу порталщиков на Рестанге. Увы, женщина оказалась непробиваемой, как скала. Её любопытство и упрямство были сильнее инстинкта самосохранения. Или ей вело что-то иное?

– Ладно, торгуемся, – сдалась она, наконец. – На крышу Драконьего гнезда. Один прыжок. Витор с отцом простится, если тот жив, а я по сторонам с высоты птичьего полёта посмотрю. И домой. Никаких заходов в населённые пункты.

– Не с кем прощаться... – сдавленно, сквозь спазм, прозвучал голос дракона. Он лежал с закрытыми глазами, но, видимо, слышал всё. – Чувствую пустоту там, где всегда была его нить. Его нет среди живых. Если уж смотреть... то есть одно место неподалёку от замка, в высокогорье. Там вид на долины. И безопасно. Туда даже стража не забредает – слишком высоко и бесполезно.

– Твой дядюшка любимый туда не нагрянет? – поинтересовался я, уже мысленно примеряя на себя роль путеводной мишени.

– Нет. Его счёты к моей матери были просты и меркантильны: она смогла обрести крылья и огненное сердце. Он – нет, остался в первой ипостаси. Смотреть на то, чего никогда не достигнуть, – не в его правилах. Там лишь скалы и небо.

Рестанг окончательно предстал передо мной самым жестоким, самым безнадёжным местом из всех, где я бывал. Здесь сама жизнь была разменной монетой в большой политической игре, доверие – смертным приговором, а врождённая сила – главным врагом своего носителя. Брр... Мурашки пробежали по коже. Хотелось поскорее стряхнуть с себя эту липкую, давящую ауру мира.

В итоге, всей нашей разномастной ордой, с помощью последнего кристалла-накопителя и остатков сил Каменюки, совершили ещё один прыжок. Вывалились на небольшом каменистом плато на самой вершине одного из зубчатых хребтов, окаймлявших долину. Вид открывался захватывающий, почти земной в своей суровой красоте – острые скалы, глубокие, поросшие сизой дымкой ущелья, вдали, как на ладони, лежала чаша долины с крошечными, игрушечными пятнами полей и серебряной ниткой реки.

Но законы физики, даже на Рестанге, никто не отменял: чем выше, тем разреженнее становился воздух, холоднее дул пронизывающий ветер, и дышать было тяжело. Долго тут не стоишь. Демоны и пришедший в себя Витор чувствовали себя прекрасно, будто вышли на прогулку. Остальные – Каменюка, Родни и я – ёжились, кутались в то, что было, и мечтали о тепле.

– Домой? – спросила Каменюка, не скрывая облегчения, плотнее заматываясь в свой спасительный шарф. – Кристалл ещё есть? Нас многовато, и обратный путь будет... тяжёлым.

Родни тут же, словно фокусник, выудил из рюкзака последний запасной кристалл-накопитель, тускло мерцавший внутренним светом. И только в этот момент я заметил, как легко, почти по-дружески, он теперь общается с порталыщицей. Та нервная скованность, тот страх перед женщинами, что сковывал его раньше, – исчезли. Эксперимент с «якорем», с концентрацией на тактильном ощущении, сработал. Родни учился заново выстраивать границы, и это было видно.

– Мертон. Хорг. Примите облик, более... естественный для восприятия в нашем следующем пункте назначения, – мягко, но твёрдо попросил Родни.

Воздух рядом с демонами сгустился, затрепетал. И через мгновение на камнях плато стояли два великолепных зверя. Белогривый конь, чьи бирюзовые глаза были цвета чистой воды, и огромная, грациозная чёрная пантера. У пантеры взгляд был совершенно особым – рыже-красным, будто в глубине её зрачков тлели неугомонные угли, готовые вспыхнуть в любой момент. Хорг. Так, оказывается, звали второго леросса. Образ он выбрал не просто эффектный, а говорящий – сила, скрытая грация, готовность к прыжку. Рядом с бледным, аристократичным, всегда немного отстранённым Лексом они будут смотреться... сногшибательно и идеально дополняя друг друга.

О том, как происходил обратный переход, я вспоминать не буду. Не хочу. Меня разбирало на молекулы и собиралось вновь, будто небрежный ребёнок лепил из глины. Бросало в леденящий жар и обжигающий холод, кости ломило с такой силой, что казалось, их вот-вот

вывернет из суставов. В ушах стоял не то гул, не то вой, а мысли разбегались, как испуганные тараканы, не оставляя ничего, кроме животного ужаса. Ясно, намертво в память врезалась лишь одна, простая и ясная мысль, выжженная в сознании: «На Рестанг я больше ни ногой! Ни за что и никогда!»

Мы вывалились, спотыкаясь и падая друг на друга, во внутреннем дворе особняка Родни, откуда несколько часов назад и стартовали. Прохладный, цветущий воздух Картэна показался райским нектаром.

Каменюка на этот раз исчерпала свой лимит сил до самого дна. Она просто мягко осела на землю и отключилась, прежде чем до неё дотронулись. В прошлый раз её хватило на прыжок в темницу и обратно. То ли выход с проклятого Рестанга давался в разы тяжелее, то ли довесок в виде дракона и двух полновесных лероссов оказался неподъёмной ношей даже для такой мощной порталщицы.

Остальные выглядели так, будто их прогнали через каменную дробилку, но, слава всем высшим силам, пребывали в сознании. Родни, бледный, но собранный, уже отдавал тихие распоряжения подбежавшим слугам. Витор стоял, опираясь на стену, и медленно, с нескрываемым изумлением, вращал головой, впитывая вид ухоженного сада, аккуратных дорожек, безмятежного неба – всего того, чего был лишён, вероятно, годы.

– Думаю, всем надо передохнуть, прийти в себя. Потом уже решим, как быть дальше и как возвращаться в академию... – предложил Родни, и в его голосе звучала глубокая, неподдельная усталость.

И тут рядом раздался звук, от которого вздрогнули все, включая слуг. Низкий, нетерпеливый, душераздирающий скулёж. Это Хорг, в облике пантеры, метался у массивных ворот, ведущих в сад. Он бил огромной лапой по дереву, скреб когтями по камням, его рыже-красные глаза метали искры. Долг был отдан, договор заключён, и он не мог ждать ни секунды дольше.

– Мда... – только и смог пробормотать я, наблюдая за этой демонстрацией нетерпения.

«Давай уже я принесу какую-то пользу, а?» – в голове прозвучал голос Белки, полный решимости. – «Скажи этому горячему парню, пусть следует за мной. У ворот академии подождёт. Я схожу, разбужу этого соню Лекса и приведу его на встречу. И чтобы не выёживался!»

Я передал мысленное послание Хоргу. И чуть не рухнул на месте, когда тот в порыве необузданных эмоций вскочил на задние лапы, смачно, со всего размаха лизнул меня в лицо, обдав горячим, пахнущим дикой свободой дыханием, и умчался вперёд, как чёрная стрела, растворившись в сумерках сада вслед за белым силуэтом песка. Сердце колотилось где-то в горле, от неожиданности и этого животного проявления чувств. Волосы на всём теле встали дыбом и ещё долго не могли улечься.

Они скрылись из виду, а я всё ещё стоял, приходя в себя, вытирая лицо рукавом.

Вокруг закипела деятельность. Слуги, наученные опытом, уже не суетились, а действовали быстро и чётко. По тихому распоряжению хозяина нас проводили на крышу-террасу. Привычная атмосфера расслабленной роскоши встретила нас как старых друзей. Прислуга бросилась накрывать на длинные столы – случай явно требовал и восстановления сил, и, возможно, скромного празднования.

Мертон остался внизу, в облике коня, степенно прогуливаясь по дорожкам сада, будто осматривая свои владения.

Антонину осторожно уложили на широкий, мягкий диван, укутав лёгкими, но тёплыми пледами.

Витор, наконец оторвавшись от стены, медленно подошёл к парапету и застыл, глядя на открывающуюся панораму Картэна – тёплые огни в окнах далёких особняков, тёмную зелень парков, мягкие очертания холмов на фоне розовеющего от заката неба. Для него, вырвавшегося из каменного мешка, это должно было быть как глоток воздуха после долгого кислородного голодания.

А я, плюнув на все приличия, церемонии и долгие разговоры, скинул с себя пропыленную, пропотевшую одежду и буквально рухнул в прохладную, ласковую воду бассейна.

Божественный кайф! Вода смывала липкий страх, ввевшуюся пыль пустоши, остаточные вибрации того кошмарного перехода и просто ощущение грязи, которое принесло с собой соприкосновение с миром Рестанга. Я всплыл на поверхность, откинул мокрые волосы со лба и сделал первый по-настоящему глубокий и спокойный вдох за многие часы.

– Будешь? – спросил Родни, появившись у бортика с двумя широкими бокалами в руках. В них плескалась та самая густая, янтарная жидкость, что так выручала нас раньше. Она переливалась на закатном свете, словно жидкое золото.

Глупый, риторический вопрос. Ради этого пошла, ради этого ощущения возвращения к нормальности, я был готов на многое.

Пара мощных, расслабленных гребков – и я у бортика, принимая протянутый бокал. Первый, неспешный глоток – и мир вокруг мгновенно преобразился. Острые углы страха сгладились, краски вечера стали глубже и насыщеннее, а свинцовая тяжесть в конечностях растворилась, уступив место приятной, блаженной истоме. В таком состоянии в воде оставаться было самоубийственно. Я лениво, с наслаждением выбрался на теплую плитку и рухнул в глубокое плетёное кресло, чувствуя, как каждая клеточка тела благодарно вздыхает.

– Как думаешь, сплуются? – спросил Родни, опускаясь в кресло напротив.

Он не смотрел на меня, его взгляд был устремлён в ту сторону сада, куда умчались Белка и Хорг. И в его, обычно таком спокойном голосе, я уловил лёгкую, но отчётливую ноту... не обиды, нет. Скорее, усталого недоумения. Сожаления о какой-то упущенной возможности.

– Куда они денутся... – пожал я плечами, наслаждаясь теплом, разливающимся изнутри, и мягким вечерним ветерком.

Логика была железной. Леросс отработывал жизненный долг, и для демонов это понятие священо. Для Лекса же эта связь была не просто выгодной сделкой, а единственным шансом вырваться из золотой клетки академического долга, обрести настоящую свободу. Всё шло хорошо. Всё было правильно.

– Как так вышло? – Родни повернул голову, и теперь его серые глаза, цвета грозового неба, были прикованы ко мне. – Я менталист. Я чувствую эмоции, читаю поверхностные мысли. И Мертона знаю дольше, мы связаны. А ты... ты про этого Лекса, затворника, которого все избегают, умудрился узнать и понять больше, чем кто-либо. Откуда? Как?

Вопрос повис в воздухе, острый и неудобный. Как объяснить, что девушки – Джастин, Ира, даже Танари в своих колких оценках – были неиссякаемым источником тонких наблюдений? Они подмечали детали, которые мы, мужчины, в упор не видели: как он щадит слабых на тренировках, что его цинизм – лишь щит, как он тоскует по матери, о которой никогда не говорит. Да, финальные, самые сокровенные признания я получил от самого Лекса в моменты крайнего напряжения. Но фундамент, саму карту его личности, собрал по крупницам из их рассказов, да из едких, но точных подсказок Белки. С Мертоном такой фокус не пройдёт. Демона в стены академии не пустят...

И тут, словно удар обухом по голове, меня осенило. Чёрт возьми! Мы, в пылу спасательной операции и торга, упустили одну критическую, административную деталь. А как тогда Хорг встретится с Лексом? Одному, в облике пантеры, запрещено появляться на территории академии без сопровождения и санкции. Другому – Лексу – категорически запрещено её покидать без официального разрешения. Мы создали идеальную пару, но поместили их по разные стороны магически укреплённой стены.

– Само как-то вышло... – буркнул я, чувствуя, как под пристальным, аналитическим взглядом Родни во мне нарастает тихая, истерическая паника. Мы всё продумали, кроме одной мелочи – как их физически свести вместе.

– Не тяни, Майкл.

– Не напрягайся, Род, – вздохнул я, откидываясь на спинку кресла и глядя на первые, самые яркие звёзды, зажигающиеся в бархатном небе Картэна. – Что ни делается... всё к лучшему...

Но в глубине души я уже видел бюрократический кошмар, многочасовые препирательства с духом-хранителем, хождения по кабинетам и немые, полные ярости взгляды демона у ворот. Следующая битва была уже на пороге.

И имя ей было – Правила.

Глава 6

– Если к лучшему, то чего пыхтишь недовольно? – вмиг всё подметил товарищ.

Вот и как объяснить? Всё ведь действительно складывается лучше некуда. Да, Настю мне ещё минимум полгода не видать, и с этим я смирился. Зато для поиска мамы всё организуется как по мановению волшебной палочки. Группа единомышленников собирается. Маги с нужными способностями. Вот только от меня это по большей части не зависит. Вернее, моё участие – косвенное.

А напрямую мне надо на Землю смотаться... А это деньги. Немалые. Я до сих пор Родни торчу за прошлые покатушки между мирами. Напрягать снова Каменюку? Она ведь и послать может. Имеет на то полное право.

Слово за слово – и виртонг всё-таки вытащил из меня причину печали. И про Землю, и про Лекса с Хорошим по разные стороны баррикад.

– Ну и чего ты мозг морщишь? Демон на то и демон, что им границы почти не писаны. Прорвётся. Забей. А деньги? Для общего дела надо же? Вот и смотаемся вместе. Я на Земле ещё не был. Может, хоть там удастся что-то посмотреть, а не как на Рестанге – галопом и с оглядкой. Хотя чего я там не видел... В смысле на Рестанге.

– Если я не ошибаюсь, и в ваших бокалах то, о чём думаю... – раздался со стороны дивана хриловатый, но твёрдый голос.

Мы обернулись. Каменюка сидела, опершись на локоть. Её глаза, обычно острые как лезвия, сейчас были немного мутными, но в них горел знакомый огонёк. Она медленно провела языком по пересохшим губам.

– ...И вы меня угостите... я вас сама куда надо доставлю. И кое-кому ещё и экскурсию проведу...

– По Хорватии? – уточнил я, учитывая, что межмировой портал расположен в Дубровнике.

– Не только. Я много где бывала, или хотела побывать. По картинкам. Из интернета, с рекламных буклетов... – мечтательно вздохнула женщина, и в её голосе прозвучала такая тоска по чему-то утраченному, что у меня сжалось сердце. – Много интересных мест...

– Я бы тоже не отказался, но у меня в России дела... – отозвался я. – Покажите Родни море. Он не знает, что такое бриз, звук прибоя...

Хотел добавить «не слишком шокируйте пляжами...» – но воздержался. Пусть это будет очередным этапом в программе его адаптации. Тем более, оказавшись на земных югах, сложно избежать столкновения с полуголыми девицами. Это меньший экстрим, нежели тот, что я рассматривал в качестве варианта – стрип-бар или публичный дом были бы куда жёстче по восприятию.

На учёбу мы как-то само собой забили временно, благо свободное посещение позволяло такую вольность. Вернулся зачермышка. Отчитался о том, что Лекс и Хорг прекрасно нашли общий язык. Даже мысленно показал сие знаменательное событие, видимо, предвидя множество вопросов. До академии добежал огромный зверь, а на территорию проник крохотный котёнок, привлёкший своим жалобным писком охранника. В итоге тот сам занёс демона в охраняемую зону. Вот это дыра в системе безопасности!

Конечно же, недавний арестант академии мечтал покинуть её стены, но несколько дней им со спутником лучше побыть наедине друг с другом.

Танари и Эмми повсюду неотлучно сопровождают Ирину. А значит, мы можем позволить себе денёк передохнуть и смотаться на Землю. Главное – Леху отыскать, а потом... Можно пошарахаться с помощью Каменюки туда-сюда для пущей убедительности. Потому что я понятия не имею, как убеждать друга в существовании магии, порталов, иных миров...

День провалялись, ничего не делая. Купались, ели, пили, спали. Каменюка отсыпалась, порой прикладываясь к очередному бокалу. Витор то приходил к нам, всё больше слоняясь как неприкаянный возле края крыши, отчего было немного не по себе. Как-то не привык я к тому, что люди-драконы могут иметь крылья. Но больше времени он проводил, уходя в лесок неподалёку от особняка. Чем ему там понравилось? Тишиной? Отсутствием взглядов?

– Была бы помоложе – вписалась бы в ваш блудняк... – ословело улыбалась явно успешная немного перебраться Каменюка. Её пальцы нервно теребили край пледа. – Но и так спасибо! Если бы ты не пришёл и не гаркнул на меня там, на станции... Так и сидела бы до гробовой доски. Чего высиживал, спрашивается? Народ гнобила, будто мне от того легче, а жизнь мимо проходила...

– Вы же много где побывать на Земле успели, – сбился я.

– Это было «ДО». «ПОСЛЕ» я со станции ни ногой. Лет пятнадцать безвылазно там просидела... – её голос сорвался, она резко глотнула из бокала. – Пока с тобой не ушла оттуда. Теперь хочу жить. Хватит, насиделась! А знаешь... Я всё же скажу... – она вперилась мутным, но невероятно сосредоточенным взглядом в Родни. Воздух на крыше будто загустел. – Ты ооочень похож. Слишком...

– На кого? – тихо спросил товарищ, замирая.

– На сына моего... – криво усмехнулась женщина, и в этой усмешке была бездна боли. – Я в прошлое зачем рвалась? Чтобы сказать, что простила. Что люблю... В своё время не сказала.

Слово за слово. Женщина поведала историю, ни дать ни взять такую же, как у Родни с его матерью. Антонина – родом с Рестанга. Теперь ясна её фраза про "что я там не видела". Жила в глубинке с единственной оставшейся в живых родственницей – бабушкой. Простая смертная.

К совершеннолетию у неё проснулся дар к владению стихией воздуха. Недостаточно сильный, чтобы приняли в академию. Но достаточный, чтобы получить обременение в виде необходимости родить первенца выбранному Советом виртонгу. Виртонг был обходительный, обаятельный блондин, и Антонина смирилась. Так появился её сын.

Как водится на Рестанге, дальнейшее общение им было запрещено, женщине назначили мужа. Семейного счастья не вышло – год сменялся годом, новых детей не появлялось. Результат тот же, что у матери Родни: развод, попытка отсудить всё, что можно, у рода жены, вот только к тому моменту она была сиротой с халупой в глухой деревушке.

Муженёк дом не тронул за ненадобностью, зато обложил женщину компенсационным платежом... неподъёмным. Альтернативный вариант – пожизненное заключение в подземельях замка местного градоначальника.

Антонина самой себе напоминала загнанного в тупик, раненого зверя. Недосып и отчаяние превратили её ранее мягкую натуру во взрывную смесь. Мечта повидаться с сыном ушла в небытие, растворилась в проблемах и заботах. Женщина возненавидела весь мир. Особенно – мужчин.

И вот, как мираж, на пороге её дома появился... Сын! Но вместо радости из её души вырвался поток ярости, обвинений, боли. Парень не выдержал – ушёл. Несколько месяцев спустя пришла страшная весть: очередное покушение на избранного ей виртонга и его сына – удачное.

Я слушал, и меня словно током прошибло. Дежавю. Вспомнились слова Родни, фрагменты прошлого из лероссового слияния. История повторялась! Словно злой рок, шаблон, вырезанный на скрижалях Рестанга.

Проснись! Это твой сын! – хотелось крикнуть. Но нет, судя по ледяному, абсолютно шоковому выражению лица Родни, он тоже это понял, и это был не он.

Смерть сына окончательно сломала Антонину. Нахлынули воспоминания, раскаяние, понимание невозвратности потери. И тут открылся ещё один, доселе дремавший магический дар. Портальная магия! Сила, за обладание которой могли уничтожить и её, и весь её род.

Жизнь обрела смысл. Надо было овладеть силой, сбежать из этого мира, заработать на услуги хрономага и вернуться в прошлое, попросить прощения у сына, сказать, что любит... И, может быть, спасти его.

Стимул был колоссальный. Способность развивалась с невероятной скоростью. Антонина собрала всё ценное и исчезла в другом мире. Адаптация, тренировки – и вот она уже на Земле, штатная сотрудница порталной станции. Хрон, единственный во всём Семимирье, жил именно здесь!

Но судьба сыграла злую шутку. Хрон скончался до её очереди. Ни вернуть сына, ни сказать ему о любви... не удалось.

Она стала неуправляемой, её гнев выплёскивался на всех. Коллеги терпели – хозяин станции, заметив её хватку и умение манипулировать людьми, пустил слух об их родстве. Никто не сомневался в его словах.

– Его убили... – уже не в первый раз, настойчиво, будто заклинание, повторила Антонина. Вздохнула, и продолжила исповедь, глядя куда-то внутрь себя: – Надо было жить дальше. Его нет. Ему уже всё равно. Не гони... Побуду рядом. Немного... И уйду... Обещаю... – с этими словами женщина рухнула обратно на диван, её дыхание стало глубоким и ровным. Алкоголь, помноженный на душевное истощение, взяли своё.

Надо было видеть лицо Родни. Парень буквально разрывался на части. С детства он мечтал о материнской любви, и вот она – так близко, в лице женщины с такой же раной! Но как быть? Отдаться чувствам, забыть, что это не его мать? Его пальцы судорожно сжали подлокотники кресла, суставы побелели.

Видно было, как он хочет броситься к ней, но его сковывают неловкость передо мной и Витором, и страх: а что будет, когда она протрезвеет? Примет ли его? Или снова оттолкнёт, увидев в нём лишь призрак собственного сына?

Вылезли наружу две трагедии. Зеркальные. Каждая – своя, но словно отражение одной и той же раны, нанесённой законами Рестанга. Один потерял мать. Другая – сына. Жаль, это не взаимозаменяемый пазл. Или... может быть?

Теперь всё стало ясно: её реакция на Родни, попытки попасть к моему деду... всё это продиктовано отчаянием и слепой надеждой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.